

ЭЛЬ КРАВЕН

ДУЭЛЯНТ
ПО НАЙМУ

ЧУЖАЯ ЧЕСТЬ

Эль Кравен

Дуэлянт по найму. Чужая честь

<https://litres.ru/74506024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они ставят на кон свою честь. Я — свою жизнь.

Меня зовут Арсений Клинец. Мне тридцать шесть, постоянной лицензии меня лишили, а старое ранение обходится дороже хорошего клинка. Теперь я дерусь за тех, кто может заплатить. Мой дар позволяет услышать, когда противник меняет магическую форму. Иногда этого мгновения хватает, чтобы остаться в живых.

Крупнейшая дуэльная контора предлагает лечение, деньги и выгодные заказы. В обмен — право распоряжаться моей работой. Я уже видел, чем такие договоры заканчиваются для бойцов.

Есть другой путь: Кубок наместника. Шестнадцать участников. Четыре поединка до независимой хартии и права самому выбирать заказчиков.

Только главный фаворит служит человеку, которому я отказал. И если в круге нас ещё остановит судья, то в тёмном переулке никто не обязан соблюдать правила.

Содержание

Глава 1. Чужие девяносто рублей	4
Глава 2. Право остановить	25
Глава 3. Длиннее клинка	47
Глава 4. Вежливый покупатель	69
Глава 5. Человек по ту сторону	90
Глава 6. Первое поражение	113
Глава 7. Работа без оружия	136
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Эль Кравен

Дуэлянт по найму.

Чужая честь

Глава 1. Чужие девяносто рублей

Сапожник держит мою левую перчатку обеими руками и никак не может попасть пуговицей в петлю. Большие пальцы у него в мелких порезах, под ногтями чернеет воск; с такими руками можно зашить промокший сапог на коленке в телеге, но сейчас они его не слушаются. Я жду, положив локоть на мокрый подоконник. За дверью кто-то пробует полкороткими ударами каблука, и по тому, как часто повторяется звук, нетрудно понять: противник уже разогрелся, а его секундант ищет место, где я поскользнусь. На Медном дворе вчера мыли камень. Зря, по-моему. Грязь здесь единственное, что иногда помогает человеку без денег удержаться на ногах.

— Степан, отдай. Я сам застегну.

Он дёргает петлю, пуговица отлетает и щёлкает о стекло. Мы оба смотрим, как она катится по подоконнику, застревает в старой краске и замирает возле дохлой мухи. Сапожник тянется за ней слишком быстро, задевает локтем мой кли-

нок; ножны соскальзывают со скамьи, но я успеваю прижать их коленом.

— Я новую поставлю, Арсений Ильич. Костяную. Эта-то совсем...

— После. Ты мне лучше скажи, откуда взялись ещё сорок рублей.

Я поворачиваю лежащий между нами лист. Нижняя строка дописана другими чернилами. Распорядитель уже второй раз зовёт нас на проверку: после нашего поединка назначены ещё два, а к вечеру двор нужно освободить под купеческое собрание.

— Сто сорок за причинённые убытки. Ты говорил — сто. Если проигрываю, ты выплачиваешь сто сорок, отказываешься от места на Рыбном проходе и уходишь до вечера. Тебе когда это дали?

Степан проводит по верхней губе, оставляя чёрный след. Праздничный пиджак висит на нём мешком; под короткими рукавами краснеют косточки запястий. Смотрит он на мои сапоги, которые переклеил ночью, не взяв денег.

— Сегодня. Их приказчик сказал, навес тоже повреждён.

— Ты повредил?

— Да он до меня кривой был! Ещё у Митьки, прежнего хозяина, его вешали. Я опору подбил, чтобы на людей не упало. Дождь тогда... — Сапожник умолкает, замечая мой взгляд, и с досадой трёт пальцами переносицу. — Согласился я. Думал, какая разница, коли вы выиграете.

Вот за это клиентов иногда хочется оставить наедине с их великолепными решениями. Выйти во двор, забрать пальто, потратить последние семь рублей на приличный обед и спокойно дожидаться вечера. Степан нанял меня три дня назад, когда я сидел в лавке железных изделий и выбирал между новой обмоткой рукояти и оплатой комнаты. Он тогда тоже говорил «коли вы выиграете», но говорил с такой неловкой надеждой, что я не стал уточнять, как именно собирается жить в другом случае.

Я кладу лист, освобождаю перчатку из его рук и протягиваю ему свой ремень.

— Подержи. Ничего больше не застёгивай.

Я наклоняюсь, поднимаю пуговицу и прячу её в карман. Теперь перчатку придётся стянуть шнурком. На дворе стучат трижды, громко и с расчётом, что внутри занервничают.

— Господин Клинец! Проверка оружия!

— Иду. Степан, больше ни с кем не договаривайся. Даже если предложат вернуть сорок. Даже если сам наместник принесёт тебе эти деньги в зубах.

Сапожник пытается улыбнуться. Я забираю ремень, просовываю клинок под локоть и открываю дверь. Возле стола распорядителя женщина в сером жакете достаёт из сумки узкий кожаный футляр. Тёмные волосы собраны на затылке, на правом манжете чернильная точка.

— Клинец? Мира Долина. Сегодня я веду ваш допуск. На вас отведён час, из которого двадцать минут вы уже ис-

пользовали.

Она говорит без улыбки, но уголок рта чуть приподнимается, когда я показываю перчатку с болтающимся шнурком. Мира открывает футляр, достаёт тонкий металлический крючок и ловко вытягивает им конец шнура через петлю. Её пальцы прохладны; держит она крепко, совершенно не смущаясь того, что я ещё не успел протянуть руку.

— Не затягивайте намертво. Если кисть начнёт отекать, придётся резать. Документы дайте.

Я передаю ей исправленный лист, а Степан вытаскивает из-за пазухи первоначальный. Мира сравнивает строки и зовёт секунданта другой стороны. Лысый мужчина с бородкой входит во двор, на ходу поправляя тесный ворот.

— Доброе утро, Левицкий. Откуда сорок рублей за навес?

— Есть признание ответчика.

— Есть изменение условий после назначения бойца. Его подписи под изменением нет. Или убирайте приписку, или я подаю возражение о переносе.

Левицкий улыбается, но смотрит на распорядителя с заметной злостью. Ему не хочется проводить здесь ещё одно утро. Он поворачивается к Степану, обещает проявить добрую волю и сам диктует прежние условия. Пока переписывают лист, я смотрю во двор. Тимофей Кравец разминает запястье возле ограды: широкая шея, коротко остриженная голова, знак служебной школы Невельских на плече. Заметив меня, он приподнимает клинок, будто показывает удачную

покупку.

Мира выжидает, пока высохнут чернила, проверяет подписи и протягивает Степану его экземпляр.

— Теперь прочитайте ещё раз. Медленно.

Сапожник послушно опускает глаза, только губы у него продолжают двигаться, беззвучно повторяя благодарности.

Я оставляю Степана с бумагами и подхожу к столу проверки. Оружейник просит обнажить клинок. Я делаю это осторожно, удерживая ножны ближе к устью, чтобы не выдать слабое место крепления. Сталь тусклая, без узора; на треть выше гарды проходит едва заметная полоса, которую я вчера долго чистил мелом. Оружейник замечает её сразу. Старик проводит по металлу плоским камнем, поворачивает клинок к окну и хмыкает.

Оружейник касается потемневшей полосы латунной иглой. Красноватая нитка, ровная у гарды, тускнеет посередине и снова вспыхивает выше. Я чувствую слабое чужое тепло в ладони. Старик убирает иглу, постукивает ногтем по металлу.

— Допущу. До касания, верно? Только не держи им тяжёлую форму. Не из вредности говорю.

Он закрепляет восковую печать на нити у гарды, чтобы после боя нельзя было подменить проверенное оружие. На стене висит объявление: восемнадцать рублей за разовый допуск, шесть — двору, четыре — за медицинское присутствие. Ещё двенадцать Мире. Из моих девяноста останется

пятьдесят.

Мира прощупывает мою кисть, нажимает на сухожилие, следя за лицом. Я выдерживаю без труда. Две недели назад тянул руку на разгрузке железа, но сейчас всё в порядке. Она задаёт несколько коротких вопросов о здоровье, затем показывает белую пластинку, которую держала в футляре.

— Знак увидели — прекращаете. Меня услышали — тоже. Даже если кажется, что ещё один удар всё исправит.

— Услышал, — говорю я и забираю оружие.

На Медном дворе тесно. Две стены сходятся к низкой арке; вдоль одной скамьи, вдоль другой жёлоб и решётка для стоячих зрителей. От белой черты до публики меньше двух шагов. Я бы здесь разрешал разве что споры о неудачной стрижке, но Палата выдала разрешение тридцать лет назад и с тех пор не пересматривала.

За решёткой соседи Степана. Рыбная торговка с пустой корзиной смотрит на него сердито: поединок приходится на самое торговое время. Мальчишку возле неё мать прижимает ладонью за макушку, чтобы не лез под ограду. Поставщик сидит напротив, постукивая перчатками по колену; человека, чьё место собирается забрать, пока не замечает.

Кравец подходит первым. У него хороший рабочий клинок, чуть тяжелее моего, с утолщением возле гарды. Рукоять свежая, намотана по руке; серебряная проволока не служит украшением, она уходит под защиту кисти и крепится к запястному кольцу. От кольца я слышу слабый ровный нажим,

будто кто-то прижал к зубу холодную ложку. Не звук в ушах — скорее ощущение, которому я так и не придумал достойного названия. В тридцати шагах от него не чувствовал бы ничего. В трёх уже понимаю: форму он ведёт через всю руку и начинает её раньше, чем поднимает оружие.

— Клинец, — говорит он, протягивая ладонь. — Тимофей.

Я пожимаю его руку. Кравец проверяет печать на гарде, а Степан за моей спиной бледнеет ещё сильнее. Для сапожника мы сейчас решаем, останется ли у него место, где он восемнадцать лет зарабатывает на жизнь. Для Кравца важны выплата, целые руки и время окончания. Я слишком хорошо это понимаю, чтобы сердиться. Сам не раз выходил с такой же мыслью и потом спокойно ел горячий суп, пока мой заказчик пользовался полученным преимуществом.

Судья с переломанным носом просит нас занять стороны. На поясе у него короткий жезл для принудительной остановки слабых форм. Против сильного мага такой не поможет, но мы оба второй ступени и оба хотим сохранить право выходить снова.

— Предмет разбирательства сторонам известен? — Судья поворачивается сначала к поставщику, потом к Степану. — Сто рублей требования и отказ от торгового места при поражении ответчика. Полное снятие заявленного требования, сохранение аренды до конца оплаченного срока и покрытие установленного сбора при поражении истца. Возражения?

— Формат: первое подтверждённое касание клинком в пределах защитной разметки на корпусе. Голова, кисти и колени не являются зачётной целью. Внешняя форма допускается на оружии и теле, без отрыва от проводника. До сдачи, остановки секунданта либо решения арбитра. Подтвердите.

Мы подтверждаем. Мира остаётся у края с белой пластиной в пальцах. Степан мнёт шапку рядом с ней; Левицкий садится напротив, ближе к своему заказчику.

Я ставлю левую ногу назад, нащупываю носком шершавый шов. Подошва держит хорошо: сапожник поработал как следует. До Кравца чуть меньше четырёх шагов, клинок направлен мне в грудь. Я выдыхаю, заставляя себя смотреть на его плечи, а не на блестящую сталь.

Судья поднимает жезл, отступает к стене и даёт знак. Кравец сразу делает маленький шаг вперёд, не приближая стопы друг к другу. Хорошо поставленная работа, никакой дешёвой суеты. Я отхожу, оставляя ему середину, и слышу, как за решёткой кто-то разочарованно цокает языком. Публика ещё не успела поставить деньги, а уже знает, как мне следует драться.

Первый выпад идёт не в тело. Кравец ударяет по моей гарде снаружи, проверяя хват, и почти одновременно тянет жар в плечо. Ровный нажим под зубами становится острее. Я не встречаю его сталь своей: отвожу кисть и смещаюсь вправо. Его острие проходит возле моего локтя, задерживается там на короткий миг, возвращается. Я мог бы ударить по вытя-

нутому предплечью, но оно не в зачёте. Он это знает и намеренно оставляет руку ближе всего ко мне.

Кравец меняет стойку, ставит правую ногу немного наружу и поднимает оружие. На клинке появляется бледная полоса. Жар тянется от кольца по проволоке, укрепляет рабочую треть стали, затем переходит в кисть. Сильная кромка. Если встречу её прямо, слабое место моего проводника примет нагрузку первым. Я отвожу острие ниже, давая ему удобный путь к плечу, и жду чуть дольше, чем хочется.

Он выпрямляет заднюю ногу, клинок идёт наискось, закрывая мне выход вправо. Я перемещаюсь влево, внутрь руки, различаю шов на его воротнике. Подхватить локоть было бы просто. Но запрещённый приём стоит дороже проигранного дела, а я слишком беден для хорошей драки.

Мой клинок проскальзывает под его гардой. Кравец успевает дёрнуть корпус назад, острие касается края защитной пластины, и судья не поднимает жезл. Не засчитано: я не дошёл до разметки. Приходится выбиратья от него коротким шагом, пока он разворачивает кисть. Сталь цепляет мой рукав выше локтя и срезает нитку, не касаясь тела. Хороший сюртук, между прочим. Ещё одну такую победу и можно будет ходить без него.

Мы расходимся. Кравец смотрит на разрезанный рукав. Теперь ему придётся работать внимательнее; я чувствую, как он уменьшает поток в руку, оставляя жар в корпусе. Готовит защиту от повторного входа.

Ладонь потеет, перчатка проворачивается на запястье. Я поправляю хват, изображая усталость, и Кравец сразу сокращает дистанцию. Ему нужно заставить меня принимать удары, пока изношенное оружие не выдержит.

Он бьёт трижды, меняя направление. Первый я пропускаю под локтем, второй отвожу почти у самой гарды, там, где сталь ещё держит; от третьего ухожу корпусом и чувствую, как край защиты скребёт по груди. Жезл судьи остаётся внизу. Ничего, кроме стали, в зачёт не идёт, а Кравец задел меня наружной формой. Это неприятно, словно по коже провели горячей верёвкой, но останавливаться нельзя.

Я вижу рядом белую черту. До края полшага. Назад больше некуда; за спиной мокрая плита и жёлоб. Кравец переносит вес на переднюю ногу, и неприятный нажим под зубами меняется. Чуть ниже. Он собирается укрепить корпус, выдержать мой ответ и дожать сверху. У многих это движение получается слишком рано, и тогда между рукой и грудью возникает просадка. У него просадки почти нет.

Я вывожу клинок вправо, как будто собираюсь отбить следующий удар жёстко. Кравец видит открытый бок, но не покупается целиком: сначала делает короткую пробу, стучит по моей стали. Я даю оружию податься. По рукояти проходит сухая дрожь; полоса возле гарды отзывается слишком горячо. Во рту становится солоно. То ли прикусил щёку, то ли мне всё-таки страшнее, чем хотелось бы.

— Арсений, шаг! — Голос Миры приходит сбоку, резко

и очень близко.

Я двигаюсь прежде, чем успеваю разозлиться на подсказку. Не в ту сторону, куда она наверняка показывает, — вперёд, к его ведущей стопе. Кравец вынужден укоротить замах, чтобы не встретить меня грудью. На долю мгновения меняется всё: плечо у него поднимается, кольцо проворачивается на запястье, жар уходит из корпуса в руку. Вот теперь я слышу переход ясно. Он длится меньше вдоха, и если бы я стоял дальше, не успел бы им воспользоваться.

Я пускаю в свою кромку короткий жар, ровно столько, сколько выдержит участок металла возле острия. Рукоять не должна принять этот поток целиком. Клинок ложится на чужую сталь скользящим касанием; никакого лобового удара, иначе у Кравца появится повод сожалеть обо мне искренне. Я поворачиваю кисть, провожу острие вдоль внутренней стороны его защиты и толкаю ногу из неудобного шва.

Левый сапог держит. Острие проходит под поднявшейся гардой и касается отмеченного квадрата на груди. Кравец успевает задрать мой клинок плечом, но поздно: по его защитной пластине уже расплзается тёмное пятно. Я убираю руку, прячу подбородок, готовясь к тому, что он по инерции завершит удар.

— Стой!

Жезл судьбы оказывается между нами. Кравец останавливает клинок в ладони от моего виска; на мгновение я чувствую его жар щекой. Мы стоим так близко, что я слышу,

как в его носу застревает воздух. Он смотрит вниз на метку, потом на моё лицо. Я ещё не уверен, что закончилось. Правая кисть хочет разжаться, и я с силой прижимаю рукоять к ладони.

Судья отводит Кравца назад, осматривает квадрат, проводит пальцем по тёмному следу. Метка оставлена сталью внутри границ; жар лишь проявил состав разметки. Внешняя форма сама такого следа не даст. Старик смотрит на меня, потом на Левицкого, который уже поднялся со своей скамьи.

— Первое подтверждённое касание. Победа представителя ответчика, Арсения Клинцева. Оружие не убирать до повторного осмотра.

Степан вскрикивает за моей спиной. Не слово, просто короткий хриплый звук, от которого у меня неожиданно сжимается горло. Я поворачиваюсь: сапожник стоит с раскрытым ртом и держит раздавленную шапку перед собой, словно кто-то вырвал её у него из-под мышки. Мира касается его локтя и усаживает на ближайшую скамью. За решёткой наконец шумят в полную силу, рыбная торговка хлопает ладонью по пустой корзине. Мальчишка больше не тянется на носках — мать сама подняла его повыше.

Кравец отдаёт клинок оружейнику и трёт метку на груди. Потом подходит ко мне, коротко кивает. Нам обоим ещё работать в одном городе.

— Близо подошёл.

— Там сзади мокро.

Кравец уходит к Левицкому. Возражения секундант не подаёт. Я стою посреди двора с клинком, который слишком долго остывает. Когда разжимаю пальцы, они дрожат. Могло расколоться. Сейчас очень хочется назвать удачу расчётом.

Мира встаёт передо мной, закрывая руку от публики. Расстёгивает правую перчатку, осторожно стягивает её за пальцы и просит у работника воды. Он приносит кувшин. Она смачивает чистую ткань и прикладывает к покрасневшей ладони. От холода сразу легче. За её плечом Степан протискивается к судье; я собираюсь его окликнуть, но она останавливает меня.

— Я ему велела забрать решение. Пусть сделает хоть что-нибудь полезное, пока не решил заказать вам памятник.

Я смеюсь, и только тогда отпускает шею. Мира ведёт меня под арку. Работник уже идёт по кругу с ведром, следующий участник торопит распорядителя. Оплаченное нами время закончилось.

В комнате расчётов тесно от чужой радости. Степан дважды пересчитывает возвращённые ему бумаги, затем кладёт на стол мешочек с моими девяноста рублями и ещё раз пересчитывает. Большая часть суммы — мятые пятёрки; одна десятка разорвана по сгибу и склеена полоской тонкой бумаги. Я не спрашиваю, у кого он занимал. Теперь он сможет хотя бы отдавать, сидя на своём месте, а не искать угол у другой стены.

Распорядитель выдаёт квитанции: восемнадцать за до-

пуск, шесть двору, четыре медицинскому помощнику. Сбор площадки Степан сможет взыскать с проигравшего, но позднее; мой разовый допуск оплачиваем сами. Я подписываю счёт, рассматривая новую трещину на рукояти.

— И двенадцать госпоже Долиной, — напоминает сапожник, вытаскивая из мешочка ещё две купюры.

— Из моих, — говорю я. — Мы договаривались на девяносто целиком.

— Так она ж сорок сняла! Она ж вам...

— Степан.

Он сердито втягивает носом воздух, будто я мешаю ему прилично отблагодарить людей. Мира сама отделяет свою оплату от общей суммы, расписывается, затем возвращает сапожнику лист с поправленной ставкой. Её почерк мелкий, наклонённый вправо, подпись без росчерка.

— Этот экземпляр храните дома. В лавку возьмите копию. Если приказчик придёт требовать пересмотра, ничего ему не отдавайте. Скажете, что дело закрыто решением арбитра.

— А если он навес снимет?

Мира задерживает руку над сумкой. Степан смотрит на неё устало, уже без прежней паники. Он выиграл право остаться, но завтра приказчик опять пройдёт мимо его места и найдёт, к чему придраться.

— Чей навес? — спрашивает Мира.

— По старому договору общий. На два места. Они свою половину складом сделали, им-то дождь ни к чему, а у меня

кожа...

— Тогда сегодня снимите размеры и найдите свидетеля, который подтвердит состояние. Не родственника. Соседа. Если повреждён, напишите владельцу рядов и оставьте себе копию. Решение о месте не даёт другой стороне права ломать общее имущество.

Степан кивает, но по его глазам видно, что после первой фразы он уже потерял нить. Я складываю свои пятьдесят рублей, прячу во внутренний карман и забираю со стола его бумаги.

— Пойдём. У тебя лавка недалеко. По дороге расскажешь, что там держит навес.

— У вас же дела.

— Одно закончилось. До второго пока дойду.

Мира смотрит на часы над дверью, затем закрывает сумку. Она тоже потратила здесь больше оплаченного времени.

— До рядов я с вами. Потом мне к нотариусу.

Мы доходим до рядов за десять минут. Степан рассказывает о коже, которую вернул поставщику: обрезки лежали под хорошим верхним слоем. За предыдущую поставку он всё ещё должен тридцать два рубля и признаёт этот долг. Мира советует отдавать только под расписку.

Я замечаю, что её левый ботинок натёр пятку: ступает чуть короче, когда тротуар поднимается. Сказать об этом не решаюсь. Человек, который только что спас меня от лишней возни с бумагами, имеет право на собственную маленькую

ложь о том, что всё в порядке.

— Вы слышали его перед последним входом? — спрашивает она, пока Степан разговаривает с соседом у ворот.

Я смотрю на неё. Она не уточняет, что именно можно услышать. Клинок в ножнах касается моего бедра при каждом шаге; внутри гарды остывает пережжённая полоса, и я почему-то ощущаю её почти так же ясно, как чувствовал перестройку Кравца.

— Он шагнул слишком широко.

— Я видела. Вы начали раньше, чем он перенёс вес.

— Возможно, мне повезло.

— Возможно.

У лавки нас ждут соседи. Рыбная торговка показывает кривую опору навеса; Мира просит ничего не трогать до прихода владельца рядов. Я прислоняю оружие к стене и помогаю Степану освободить проход от чужих табуретов.

Пока ждём владельца, я сажусь на сапожную скамью. Пахнет клеем и крепким чаем. На стене фотография женщины с двумя мальчиками; младший держится за её юбку. Степан ловит мой взгляд и расправляет край снимка.

— Старший на реке теперь. В машинном. Всё хотел сам за меня выйти, дурень, у него ж дара на ноготь. Я ему и сказал: ты хоть молоток прямо держать научись, защитник.

Он усмехается, но пальцы остаются на фотографии. Я не спрашиваю о женщине. На углу рамки закреплена выцветшая чёрная лента, и Степан несколько раз проводит по ней,

будто приглаживает непослушную прядь.

— Девяносто он прислал? — спрашиваю я.

— Часть. Остальное соседи. Я отдам.

— Знаю.

Сапожник поворачивается ко мне резко, почти сердито. Наверное, ждал утешения или предложения отказаться от половины гонорара. Я тоже знаю людей, которым легко быть щедрыми, когда речь о чужом труде. Степан смотрит на мой порезанный рукав, затем на перчатку.

— Снимите. Пока они там пишут, я хоть пуговицу вам поставлю. Не в счёт. Просто дайте человеку спокойно сделать работу.

Я отдаю перчатку. Он выбирает костяную пуговицу, примеряет к петле, выдёргивает зубами нить. Руки больше не дрожат. Мира тем временем добывается от пришедшего владельца обещания заменить поперечину до субботы. Рыбная торговка ставит подпись под коротким актом о состоянии на веса.

У порога сапожник возвращает перчатку и вдруг обнимает меня. Неловко, слишком крепко, прижимая лицо к разрезанному рукаву. От него пахнет воском и старой шерстью. Я несколько мгновений стою с поднятыми руками, не зная, что делать с клинком и с ним, потом осторожно хлопаю по спине. Степан сам отстраняется, шумно прочищает горло и делает вид, что смотрит на шов.

— Рукав принесёте. Тут несложно.

— Принесу.

Мира ждёт на улице. Когда я выхожу, она протягивает визитную карточку — простую, без золота, чуть погнутую от тесного отделения сумки. Адрес в Нижних рядах, второй этаж над писчебумажной лавкой. Под именем напечатано: «Представительство и сопровождение поединков». Я переворачиваю карточку, надеясь найти с другой стороны цену. Пусто.

— На завтра у меня есть окно, — говорит она. — Если намерены брать ещё заказы, зайдите. Нужно разобраться с постоянными условиями.

— На постоянные у меня пока денег нет.

— Вы сначала зайдите. На нынешние, как я заметила, тоже едва хватает.

Мира уходит к трамваю, а я прячу карточку рядом с деньгами и выбираюсь к чайной. Хочется сесть спиной к стене, вытянуть ноги и полчаса ни на кого не смотреть.

Суп сегодня с перловкой и тем немногим, что сошло за говядину. Я нахожу один честный кусок, перекалываю на край тарелки и оставляю напоследок. Хозяйка поглядывает на разрезанный рукав, но молчит. За окном возчик перегородил трамвайный поворот; вагоновожатый безуспешно пытается его пристыдить.

Я достаю деньги. Пятьдесят полученных, семь рублей шестьдесят копеек старых. Комната оплачена до четверга, за следующую неделю надо отдать двенадцать; остальное на еду и рабочие мелочи. Если клинок потребует больше сорока, придётся опять искать человека, которому неважно, есть ли у грузчика постоянная лицензия Палаты. Я сдвигаю купюры обратно в карман, замечаю на пальце тёмную полосу от рукояти и долго тру её салфеткой. Полоса не исчезает.

— Разрешите?

Мужчина уже стоит возле свободного стула. Лет сорока, светлые волосы гладко зачёсаны назад, на переносице маленькие очки. В руках он держит шляпу и пару серых перчаток, не белых. На манжете тонкая серебряная застёжка, изображающая ладонь. Я узнаю знак, хотя раньше видел его главным образом на афишах.

— Если есть хотите, разрешение у хозяйки, — говорю я, накрывая хлеб ладонью. — Здесь обслуживают быстро.

— Благодарю, я уже обедал. Савелий Веденин. «Белая перчатка». Мы сегодня наблюдали за вами.

Он кладёт на стол карточку с серебряным знаком конторы. Я не беру. Веденин снимает очки, протирает стекло, терпеливо ожидая. Приходится отложить ложку.

— Что хотите предложить?

— Работу. Один вечер, частный двор, достойная сторона. Триста шестьдесят рублей. Половина при подтверждении, остальное после выхода, независимо от результата в рамках

согласованного формата. Расходы на площадку и оформление несёт заказчик.

Я так и держу пальцы на черенке отложенной ложки. Триста шестьдесят — это новый проводник попроще, оплаченная комната и возможность не считать куски мяса. Я успеваю представить всё это прежде, чем замечаю выражение лица Веденина. Он не улыбается. Ему не нужно. Редко кто предлагает такие деньги человеку за столом, к которому прилипает локоть, не понимая, что делает.

— Кто противник?

— Имя будет сообщено после предварительного согласия. Заказчик дорожит конфиденциальностью. — Веденин придвигает карточку к моей руке, придерживая пальцем, чтобы она не легла в мокрый след от стакана.

— Формат?

— Обсуждается. Обычные для частного представительства условия.

— Обычные бывают разные.

— Разумеется. На этапе предварительного согласия вы не принимаете окончательный риск. Мы лишь резервируем ваше время и начинаем подготовку допуска.

— А если после имени я откажусь? — спрашиваю я. За окном наконец звенит трамвай. Веденин поворачивает голову, пережидая шум, потом снова смотрит на меня.

— Тогда удерживается организационный расход. Из аванса. В разумных пределах.

— Сколько именно удерживается?

— Шестьдесят рублей. Но до отказа обычно не доходит.

Я коротко смеюсь. Веденин вежливо поддерживает меня, хотя я бы охотнее выругался. Только что заработал пятьдесят и получил предложение заплатить шестьдесят за возможность узнать, с кем мне предстоит драться. Деньги на стол никто не кладёт, нож к горлу не приставляет, и от этого предложение почему-то выглядит ещё хуже.

— К завтрашнему полудню, — говорит он. — Раньше ответ не нужен. Приходите в контору или передайте записку через приёмную. Если пожелаете привести своего секунданта, возражений не будет.

Он встаёт, надевает шляпу и слегка касается её края. Я оставляю у тарелки сорок копеек и прошу хозяйку пока не убирать хлеб. На столе рядом лежат его карточка и вынутая вместе с платком карточка Миры. Одна толстая, с серебряным знаком; другая помялась ещё сильнее, когда я прятал её к деньгам. Я совмещаю их краями, машинально выравниваю, потом замечаю за собой это чужое движение и убираю обе. Прежде чем соглашаться на вечер с неизвестным противником, придётся всё-таки подняться по лестнице над писчебумажной лавкой. Очень надеюсь, что госпожа Долина не берёт шестьдесят рублей за вопрос.

Глава 2. Право остановить

Хозяйка держит мою дверь ногой, а я стою перед ней в одной рубашке, придерживая на плече мокрое полотенце. За её спиной мальчишка с почтовой сумкой старается не смотреть в комнату и оттого видит всё: неприбранную постель, таз на полу, клинок на подоконнике. Варвара Гавриловна подаёт мне сложенный лист двумя пальцами, как дохлую мышь. На сгибе серебрится знакомая ладонь. «Белая перчатка» умеет находить людей быстрее, чем они успевают умыться, и это качество компании мне уже не нравится.

— Это что за дворянские дела с самого утра? — Она пытается заглянуть за моё плечо. — У меня приличный дом. Кому долг отдать надо, отдавайте на улице.

— Мне предлагают денег.

— Тогда тем более прочитайте. И мальчика не держите, ему по всему городу бегать.

Я ставлю подпись в книжке посыльного. Он всё-таки смотрит на клинок, получает от меня пять копеек и исчезает прежде, чем Варвара Гавриловна успевает спросить, почему он бегаёт по лестнице. Хозяйка достаёт из-под шали миску, накрытую блюдцем. На блюдце капля сливок.

— Творог. Из деревни привезли. Не держите у окна, птицы вытаскивают. И рубашку бы вам сдать в стирку, под воротом совсем серая.

Поблагодарив, я закрываю дверь локтем и разворачиваю письмо. Веденин подтверждает вчерашнее предложение, просит явиться к полудню и добавляет: контора обеспечит представителя подходящим оружием. В самом низу стоит фраза об организационном удержании. Шестьдесят рублей за право отказаться после раскрытия имени.

Я ем творог прямо из миски, потому что второй чистой посуды нет. Рука после вчерашнего тянет у большого пальца; не больно, но чувствуется всякий раз, когда сжимаю ложку. На рукояти клинка по лаку проходит тонкая светлая нить. Ночью я снимал верхнюю обмотку, надеясь, что треснул только лак. Под ним потемнела деревянная накладка. До самого металла разбирать не стал: собрать без оправки могу хуже, чем было.

Я завязываю ворот и пересчитываю деньги. Новым клинком контора меня почти купила. Осталось полмиски творога; я ставлю её на подоконник и накрываю полотенцем, чтобы птицы не добрались. Пока заправляю края под миску, всё прикидываю, как бы зайти к Веденину и ни на что ещё не соглашаться. В конце концов оставляю это занятие и иду к Мире.

Над писчебумажной лавкой пахнет свежей краской, хотя ничего свежевыкрашенного не видно. На лестнице два окна, оба закрыты; ступени вытерты посередине, перила липнут к ладони. У Миры на двери небольшая табличка, а под ней кнопка звонка. Я нажимаю. За дверью что-то падает, разда-

ётся приглушённое ругательство, затем щёлкает замок.

Мира держит крышку от чернильницы. На манжете сегодня нет точки; зато точка есть на столе и успела превратиться в пятно. Она пропускает меня и возвращается к тряпке. Я сажусь на ближайший стул, снимаю клинок с пояса. В кабинете холодно: узкая форточка открыта настежь, листы на краю стола прижаты чашкой.

— Рано, — говорит она, прижимая тряпку к столу. — Я вас после десяти ждала.

— Вы времени не назвали.

Мира замечает письмо прежде, чем я успеваю его достать. Серебряная ладонь видна из кармана. Она кладёт тряпку на блюдо.

— Вчера предложили?

— После обеда. Сегодня напомнили.

Я протягиваю лист. Мира читает, задерживается у нижней строки, затем наливает мне чаю и разворачивает письмо на столе, чтобы мы оба его видели.

— Здесь нет обязательства назвать формат до получения аванса, — говорит Мира. — С противником то же самое. Это вы уже заметили. Оружие дают в пользование, на условиях отдельного приложения. Его нет. Возможно, понадобится залог.

— Веденин говорил, расходы на них.

— Расходы на площадку и оформление. Я не говорю, что залог непременно потребуют. Говорю, что сейчас этого не

знаете ни вы, ни я.

— Хотите согласиться? — Мира придерживает край письма.

— Хочу триста шестьдесят рублей.

— Это я поняла. Хотите согласиться?

Я пробую высвободить лист из-под её пальца, но она не отпускает. Чай остывает у меня под локтем; я переставляю чашку, хотя она ничему не мешает.

— Хочу узнать, от чего отказываюсь, — говорю я. — И не платить за это больше, чем зарабатываю за бой.

Она достаёт чистый лист и составляет ответ: готов рассмотреть поручение после раскрытия противника, формата, полной суммы удержаний и условий предоставления оружия. До этого времени не подтверждаю резервирование и не принимаю аванс.

Я подписываю. Мира звонит в маленький колокольчик, и из смежной комнатки появляется мальчик лет четырнадцати. Не тот, что приходил утром. Этот смотрит на меня без стеснения.

— Лёша, отнеси в приёмную «Белой перчатки». Попроси отметку на копии. Не отдавай обе бумаги, как в прошлый раз.

Мальчик вытягивает из ящика конверт, обиженно шмыгает носом, забирает записку. Мира провожает его взглядом и вздыхает.

— Сестрин сын, — поясняет Мира, когда за ним закры-

вається дверь. — Теперь покажите оружие.

Я подаю клинок. Она вытягивает его из ножен на ладонь длины, поворачивает рукоять к окну, трогает трещину ногтем. На белом подоконнике остаётся крупинка лака. Мира не смахивает её: кладёт оружие вдоль края стола и подвигает чашку подальше, чтобы не задеть.

— Мастеру сегодня покажу, — говорю я. — Вы вчера предлагали работать вместе. На каких условиях?

Она достаёт тонкую папку. Под фамилиями перечислены виды работ: переговоры, проверка договоров, выход секундантом. Без лицензированного посредника я сейчас даже новый заказ от своего имени принять не могу; разовое назначение для того и оставили, чтобы всякий раз за тебя подписывался кто-то ещё. У Мира нет обязательного числа боёв или запрета брать других секундантов. Есть строка с долей от гонорара. Пустая.

— Десять процентов.

— Двадцать.

Она держит карандаш над пустой строкой. Я предлагаю двенадцать, она напоминает, сколько вчера едва не пролетело мимо меня на проверке условий. Сходимся на пятнадцати процентах после обязательных сборов, с минимальной платой, которую определяем перед каждым заказом. За прекращённый по моей вине договор её работа оплачивается. За её собственную ошибку — отдельная ответственность. Последнюю строку она вписывает под мою диктовку, без спора.

На следующей странице белый знак. Вернее, право его применения. Секундант может остановить бой при утрате способности защищаться, подозрении на опасное повреждение, нарушении согласованного предела нагрузки. Если я сознательно скрываю от неё состояние, она вправе отказаться от выхода. Нельзя заставить её стоять рядом только потому, что заказчик уже заплатил.

Я читаю дважды. На камне иногда падают так, будто уже не поднимутся, а через мгновение встают и побеждают. Видел подобное. Видел и то, как не встают; но сейчас, держа лист, упрямо вспоминаю только тех, кто встал.

— Предупреждать будете?

— Если будет время.

— Я не люблю, когда за меня решают, сколько осталось времени.

— Тогда работайте без меня.

Мира отодвигает чашку с остывшим чаем. Я откладываю перо. Несколько мгновений мы слушаем, как во дворе вытряхивают половик; потом она встаёт закрыть форточку и спрашивает:

— Кто вас сейчас смотрит на тренировках?

— Сам справляюсь.

— Давно? — Она поворачивается ко мне от окна.

Я потираю рукоять. Чёрная крошка прилипает к пальцу.

— Несколько лет. Прежде занимался у Ефима Корецкого.

Мира берёт телефонную трубку с боковой полки, называ-

ет станции номер. Пока ждёт, вытирает с ногтя чернила. Я уже собираюсь попросить её отложить звонок, но слышу из трубки покашливание и узнаю его раньше голоса.

— Ефим Павлович? Долина. У вас сегодня после обеда окно свободно?.. Да, с бойцом. Арсений Клинец.

— Он здесь. Нет, не обещал вести себя прилично. Я тоже ничего не обещаю. К трём подойдём.

Она вешает трубку и подвигает ко мне папку, чтобы я её забрал. Пункт об остановке мы так и оставили неподписанным.

До трёх остаётся время, и Мира отправляет меня забрать личную выписку о вчерашней победе. В комнате расчётов Медного двора мне пытаются предъявить ещё шесть рублей за задержку начала: возражение подавал наш секундант, значит, наш и счёт. Я заставляю распорядителя открыть журнал. В нём причиной задержки записано уточнение условий истцом. Парень кивает на дверь старшего расчётчика, и я сажусь ждать возле неё, прижимая квитанцию к колену. Через семь минут дверь открывается; ещё через минуту ошибку исправляют.

Когда возвращаюсь, Мира запирает кабинет. На копии нашего ответа уже стоит отметка «Белой перчатки». Новых условий нам не прислали. Она отдаёт мне нести свёрток с защитой и говорит, что приходил ламповый мастер Зиновий Марков: покупатель обвинил его при свидетелях в подмене металла. Мастер хочет нанять представителя. Мира взяла до-

кументы, но от моего имени ничего не обещала.

— Когда к нему? — спрашиваю я, придерживая свёрток под мышкой.

— Послезавтра. Он только тогда вернётся с поставки. И прежде договора проверим оружие.

Она идёт по лестнице первой. В мягких ботинках левая нога почти её не беспокоит; я всё равно замечаю, как она выбирает место для ступни на стёртом краю ступени. После утреннего разговора очень хочется задать несколько вопросов, но я только подхватываю соскользнувший свёрток.

Зал Корецкого находится возле старой конной станции. На первом этаже лавка спортивного снаряжения, на втором длинные окна, прикрытые от солнца белой тканью. В прихожей стоят чужие сапоги, пахнет льняным маслом и потом. Я останавливаюсь у лестницы. Столько раз поднимался сюда, что ноги сами выбирают край четвёртой ступени, где меньше прогнулась доска. Мира замечает задержку, но не подгоняет.

Ефим Павлович встречает нас в дверях. У него прежние тяжёлые брови и та же привычка держать руки за спиной, только седины стало больше. В домашней вязаной жилетке он похож на школьного учителя, которому опостытели и дети, и собственный предмет. Потом переводит взгляд на мои ноги, и от этого взгляда я машинально выпрямляюсь.

— Дошёл, — говорит он. — Я думал, ты в этом городе только мимо моего дома умеешь ходить.

— Ефим Павлович...

— Не начинай. Разувайся. Клинок на стойку, свою рухлядь внутрь не носи.

Он берёт свёрток и уходит. Мира ставит ботинки рядом с чужими, надевает туфли на плоской подошве. Я возюсь с ремнём медленнее, чем нужно: Корецкий звал меня ещё до дисциплинарного решения, а я обещал прийти, как только разберусь. Три года разбирался. В прихожей потемнела доска, на которой я прежде сушил перчатки; кто-то вколотил в неё два новых гвоздя.

У ближнего окна двое упражняются на дистанции, в углу женщина помогает подростку закрепить защиту локтя. На стене расписание, возле него лист с задолженностями за аренду. Корецкий ждёт на свободной дорожке и держит два деревянных клинка. Один бросает мне рукоятью вперёд. Я ловлю, перехватываю ближе к гарде: слишком лёгкий.

— Защиту надень. Правую руку покажи.

Он нажимает у основания большого пальца. Я вздрагиваю, и Корецкий пробует ещё раз, слабее. Затем просит поднять локоть, развернуть плечо, шагнуть с закрытыми глазами. На последнем я едва заметно качаюсь. Открываю глаза: он смотрит на мою левую ногу.

— Левая голень опять забита. Одной стороной ходишь. Разминался сегодня?

— Не успел.

— Зато успел придумать, почему не успел. Уже занятие. Мира садится возле дорожки с блокнотом. Я искоса смот-

рю на неё: не собирается ли записывать каждое замечание. Она действительно записывает. Корецкий велит мне выйти в стойку, а сам остаётся почти прямо, поставив перед собой носок деревянного клинка. Вид у него расслабленный, но я помню, сколько синяков когда-то заработал, поверив этому виду.

— До касания, — говорит он. — Без жара.

Я подхожу осторожно. Он не двигается. Делаю пробу в правое плечо, он коротко отбивает, касается моего локтя и возвращает клинок вниз. Контакт негромкий, почти нежный. Я чувствую его через нарукавник и злюсь сильнее, чем от настоящего удара.

— Здесь не зачёт, — говорю я.

— Здесь локоть. Я в курсе. Ты его каждый раз оставляешь в одной точке. Ещё.

Во второй раз я меняю вход, стараясь не повторять ошибку, и получаю в бедро. Третью попытку начинаю с ложного движения, на которое он даже не реагирует. Когда наконец решаю атаковать всерьёз, Корецкий подставляет гарду, прижимает мой клинок и выходит плечом настолько близко, что мне приходится отступить. Его оружие касается моего живота. Он держит контакт секунду, чтобы я не смог притвориться, будто не заметил.

У окна кто-то перестаёт считать упражнения. Я слышу паузу и чувствую, как в затылок упирается чужой взгляд. Вчера меня поздравляли за решёткой, сегодня седой человек в

жилетке гоняет по дорожке, словно я впервые держу дерево. Я резко меняю темп, вхожу быстрее, чем собирался, и успеваю коснуться его груди. Почти одновременно жар колет под правой ключицей.

— Договорились без жара, — говорит он.

— Немного добавил в ноги.

— Договорились без жара.

Он снимает защитную пластину, кладёт на край лавки. Мира перестаёт писать. Я пробую повернуть деревянный клинок в пальцах, роняю его и наклоняюсь, чувствуя мокрую ткань на спине. В обычном бою добавил бы жару без раздумий. Здесь тоже не раздумывал. Именно это Корецкий и хотел увидеть.

— Повторим, — говорю я. — Без жара.

Корецкий берёт защиту обратно. Теперь он работает медленно, даёт мне увидеть, как заранее вывожу правое плечо при сближении. Я пытаюсь спрятать движение, получаю ещё два касания и сам прошу показать снова. Он велит смотреть на мои ступни. Когда начинаю шаг с левой, плечо остаётся на месте; приходится пробовать несколько раз, прежде чем перестаю после этого заваливаться вперёд.

Мы ходим по дорожке, пока рубашка не прилипает между лопатками. Ученики у окна заканчивают, их сменяют двое мужчин с большими дорожными сумками. Один долго вытряхивает из сапога песок. Корецкий уходит принести воды, а Мира протягивает полотенце из свёртка. На её коленях ле-

жит открытый блокнот; я успеваю прочитать «торопит ответ после ошибки» и отвожу глаза.

Я вытираю лицо, возвращаю полотенце, потом забираю обратно: незачем ей держать мокрую тряпку за меня. Корецкий ставит кружку на подоконник и зовёт нас к свободному квадрату у стены. Мира достаёт белую пластинку, такую же, как вчера, только без служебной печати.

— Теперь с формой. Малой. Арсений, задача — не дать мне коснуться правого бока. А Мире — следить за ограничением.

— Каким?

— Я скажу ей. Ты выполняй задачу.

Корецкий подаёт жар в проводящую вставку на своём оружии. Я ощущаю знакомое напряжение возле зубов, но слабее, чем у Кравца. Он перестраивает форму коротко, без лишних движений, и начинает касаться моей защиты в заданном темпе. Первые три попытки отбиваю. На четвёртой он задерживается на полдоли, вынуждая меня уйти раньше времени. Я успеваю выправиться, но теперь правый бок действительно открывается.

Я слышу голос Миры и не сразу понимаю слово. Рука уже пошла в ответ, клинок ложится поперёк оружия Корецкого. Можно продавить и коснуться его груди. Он оставил её открытой нарочно, я это вижу, даже злюсь на настолько очевидное приглашение. Всё равно двигаюсь. Останавливаю себя лишь тогда, когда её белая пластинка попадает в поле зре-

ния целиком.

Дерево замирает в нескольких пальцах от жилетки. Корецкий смотрит на клинок, потом на меня. Мира опускает знак. Мне очень хочется, чтобы кто-нибудь заговорил первым, но оба терпеливо ждут.

— Остановился, — говорю наконец.

— Поздно, — отвечает она.

— Я не коснулся.

— После моего голоса сделали два движения. Первое могли не успеть отменить. Второе начали сами.

Я чувствую, как нагреваются уши. Корецкий забирает деревянный клинок и кладёт на лавку. Мира убирает знак в футляр, придерживая крышку большим пальцем. Между крышкой и краем футляра застряла белая нитка; Мира выдёргивает её, и я слышу тихий сухой треск. Прежде чем встать, она смотрит на меня ещё раз. Я киваю, хотя очень хочется снова сказать, что касания не было.

— Ещё раз, — говорю я.

— Через пять минут, — отвечает Корецкий. — Сначала попей. Если сейчас начнёшь доказывать, что умеешь останавливаться, опять забудешь остановиться.

Я беру кружку, сажусь на край лавки. Вода тёплая. У окна подросток никак не может закрепить ремешок защиты; женщина показывает ему дырочку под пряжкой и убирает руки, давая попробовать самому. Мира подсаживается к Корецкому. Они переговариваются вполголоса, изредка поглядыва-

ют в мою сторону. Я вытираю кружку краем полотенца и иду отнести её на подоконник. Корецкий зовёт обратно, подаёт дерево. Мира остаётся у края квадрата, но знак не достаёт.

— На голос? — спрашиваю я.

— На голос, — подтверждает она. — Сначала ваше имя. Потом «стой».

— Если в это время он ударит?

Корецкий без предупреждения посылает клинок мне в бок. Я отбиваю, он тут же убирает оружие.

— Защищаться тебе никто не запрещает. Только ответ за защиту не выдавай. Вчера во дворе тоже после знака ты ещё держал форму — я тебя из-под арки видел.

Я смотрю на него. Он спокойно ждёт. Значит, приходил. Видел, как я едва не съехал в жёлоб, как потом принимал поздравления, и ушёл, не заставляя замечать его среди прочих. Хочется об этом спросить; вместо вопроса я поднимаю клинок.

На этот раз Корецкий не открывает грудь нарочно. Работает коротко, заставляет двигаться к стене, подальше от Мира. Её нет перед глазами, и мне приходится слушать. За спиной кто-то роняет ножны. Я вздрагиваю, пропускаю касание по боку; Корецкий ничего не говорит, даёт вернуться на середину. Следующий обмен получается длиннее. Я почти забываю, зачем мы его начали, когда Мира произносит моё имя. На слове «стой» отвожу острие. Корецкий касается моего плеча плоской стороной дерева и опускает руку.

— Вот теперь вовремя, — говорит она.

Я выдыхаю. До этого и не замечал, что задержал дыхание. Мира убирает блокнот, а я прошу не закрывать футляр со знаком: хочу попробовать ещё, с другой стороны, где её будет видно. Корецкий забирает у меня клинок и показывает на часы. Дорожку через минуту займут. У входа уже ждут двое учеников, один держит в зубах ремешок, затягивая защиту на запястье. Я отхожу, пропуская их, и впервые за день не проверяю, смотрят ли они мне вслед.

К вечеру клинок оказывается у Тихона Рудого, в маленькой мастерской позади зала. Повторить упражнение нам так и не удалось: все дорожки заняты до закрытия. Два часа дорожки стоили шесть рублей. Ефим Павлович принял деньги и сам повёл нас к оружейнику.

Тихон сидит за столом в заляпанном фартуке, с увеличительным стеклом на гибкой стойке. Молодой, плечи узкие, волосы прилипли ко лбу. Он поднимает глаза, узнаёт Корецкого, затем замечает мой клинок и сразу освобождает середину стола. Вещи вокруг переставляет бережно, по одному предмету; даже спешит он так, чтобы ничего не задеть.

— Сломали? — спрашивает.

— Ещё нет, — отвечаю я. — Поэтому пришёл к тебе, а не продавать металл.

Он не смеётся. Осторожно снимает верхнюю обмотку, поддевает деревянную накладку и долго рассматривает её под стеклом. У меня за спиной Корецкий объясняет Мире,

что Тихон работает отдельно и цены определяет сам. Мастер делает вид, что не слышит, но по движению плеч видно: ему приятно, что это сказали вслух.

— Сам разбирал? — Он показывает мне соскоб на внутренней стороне.

— До этого места. Дальше не полез.

— Правильно.

Тихон берёт тонкий щуп, проводит по каналу в гарде. На стол сыплется чёрная крошка. Он выкладывает её на белый лист и прижимает углом стекла. Частицы ломаются, оставляя бурый след. Я наклоняюсь ближе, но он вытягивает поперёк моих глаз ладонь. Я машинально подаюсь назад. Мира замечает и отворачивается, пряча улыбку.

— Прокладка прогорела, — говорит Тихон. — Давал короткие импульсы, да?

— Да.

— Слишком близко к пределу. Ещё несколько таких, и жар пойдёт через дерево. Уже пошёл местами.

Он переворачивает накладку. Там тёмное пятно длиной с ноготь. Я провожу большим пальцем по месту, которое с утра тянет при любом движении, и Тихон кивает. До этого мне хотелось думать, что просто перехватил рукоять слишком сильно.

— Починишь?

— Временную прокладку поставлю. Обмотку новую, деревянную часть подгоню. Проводимость стали не верну. С

тяжёлой формой всё равно нельзя, длинную связку тоже лучше не держать.

— Сколько?

— Тридцать четыре. Двадцать сейчас на материал, четырнадцать, когда заберёшь. К утру успею, если металл внутри не хуже, чем снаружи.

Достаю двадцать рублей. После остатка за ремонт в кошельке будет семнадцать рублей с мелочью, а в четверг надо платить за комнату двенадцать. Тихон пересчитывает купюры и пишет расписку. Я смотрю на разобранную гарду: хорошо бы теперь и вправду оказаться нужным ламповому мастеру.

— А хороший новый?

— Под твою руку? Четыреста пятьдесят примерно. Можно дешевле, если готовый подобрать, но ты сильно срываешь нагрузку, тебе стандартный узел быстро сожжёт. Надо смотреть, как работаешь.

Четыреста пятьдесят. Я прячу расписку так осторожно, будто и она стоит больших денег. Тихон уже подбирает новую обмотку, сравнивает два куска у лампы и не замечает, как я ещё раз открываю кошелёк.

Без клинка я на лестнице поворачиваюсь шире, чем нужно, рука дважды ищет пояс. Мира идёт рядом, Корецкий задержался у мастера. На площадке она останавливается, пропуская мальчишку со свёрнутой дорожкой на плече, затем касается моей папки.

— Договор подпишете? — спрашивает она на площадке.

Я кладу папку на широкие перила. На первой странице уже стоят согласованные цифры, а на второй белеет место для подписи. Мира придерживает нижний угол, пока я перечитываю пункт об остановке.

— Врачебное ограничение сообщаю сразу. Старые повреждения перечисляю до выхода. Если знак не вижу, слушаю голос, — произношу я, читая. — А если вы ошибётесь?

— Разберём после. Пока бой не закончен, я не буду спорить с вами на расстоянии шести шагов.

Я достаю перо, потом понимаю, что чернил с собой нет. Мира вынимает дорожный прибор. На широких перилах удобно писать, только дерево под бумагой исчеркано, и в середине фамилии перо сбивается с бороздки. Мира даёт промокнуть. Ставит подпись рядом, достаёт второй экземпляр и ждёт, пока я распишусь на нём тоже.

— Завтра после обеда за оружием, — говорит она, убирая свой экземпляр. — Утром посмотрю бумаги Маркова. Если Тихон не закончит, до мастера с заказом не дойдём.

Она спускается, а я задерживаюсь: из мастерской выходит Корецкий.

— Завтра к пяти свободная дорожка, — говорит он. — Если понадобится.

— Понадобится.

Он кивает и уходит в зал. Я слышу, как кому-то велит перестать топать. На лестнице остаётся отпечаток моего ещё

влажного пальца; провожу по нему рукавом и спускаюсь следом за Мирой.

На следующий день мы с Мирой договариваемся встретиться возле зала в половине четвёртого. За утро я успеваю выстирать рубашку и взяться за порезанный рукав сюртука. Стежки выходят редкие, неровные. Варвара Гавриловна заглядывает, забирает у меня иголку и за пять минут делает всё заново. Пока шьёт, рассказывает про дочь; я слушаю и держу на коленях пустую миску, которую собирался отнести на кухню.

К старой конной станции прихожу немного раньше Миры. Возле трамвайной остановки двое рабочих наклеивают афишу: один придерживает угол коленом, другой гонит щёткой пузырь воздуха к краю. Крупное слово «хартия» занимает середину листа. Я останавливаюсь, дожидаясь, когда рабочий с ведром отойдёт в сторону.

Мира находит меня у афиши. Кубок наместника. Четыре года назад я видел такие листы, ещё не имея денег на взнос. Теперь до первого раунда меньше месяца. Шестнадцать мест, четыре раунда, одна независимая хартия. Под заголовком перечислены условия: три победы за текущий сезон, две рекомендации лицензированных секундантов, медицинский допуск. Взнос напечатан мельче заголовка. Тыся-

ча двести.

— Дорого, — говорю я.

— Для участника. Для тех, кто покупает исключительное право на его работу, довольно дёшево.

Она читает афишу внимательнее, наклоняется к нижним строчкам. В них подтверждают право победителя открыть собственное представительство, без обязательного покровителя. Я поднимаю руку, придерживая ещё непроклеенный край. Под моим пальцем набухает пузырь сырой бумаги.

— У меня ещё два года ограничения, — говорю я, глядя на печать внизу. — В правилах прежний запрет сохранили?

— Для отстранённых от любых поединков — да. У вас разрешены разовые. Значит, можете подать. Если выполните остальное.

Я сдвигаюсь, пропуская рабочего с кистью. Четыре пустых круга на сетке, пока без фамилий. У меня одна победа, старый клинок и семнадцать рублей до оплаты комнаты; вчерашние триста шестьдесят теперьгодились бы ещё больше. Мира не торопит. Я дочитываю нижнюю строку до конца и отхожу вслед за ней.

Мы заходим за клинком. Тихон закончил, но долго не отдаёт мне оружие: заставляет проверить хват, поправляет обмотку, просит подать несколько слабых импульсов. Рукоять теперь плотнее, чем я привык, и ощущается чужой. Я выплачиваю оставшиеся четырнадцать рублей и пробую переход ещё раз. Поток идёт ровнее. Сталь не помолодела, зато ла-

донь больше не приходится спасать от собственного жара.

— До Кубка доживёт? — спрашиваю я.

Тихон поднимает голову. Корецкий, который зашёл из зала за зажимом, оборачивается у двери. Мира продолжает разбирать бумаги, стоя у окна.

— Смотря как обращаться, — говорит мастер. — На все четыре боя я бы не обещал.

Корецкий ставит зажим обратно на стол.

— Уже собрался?

— Пока спросил.

— Тогда спроси и сколько стоит подготовка. И кто даст рекомендации.

Я иду за ним в зал. Дорожка возле окна свободна. Корецкий берёт мел, отмечает две линии и велит пройти между ними обычным шагом. Смотрит, как двигается левая стопа, стирает носком один из штрихов.

— Ко мне за рекомендацией пришёл?

— Хотел попросить.

Он крутит в пальцах мел, не глядя на меня. В зале шумно; я подхожу ближе, чтобы не заставляя его повышать голос.

— Не дам сейчас, Сеня. Победу ты вытащить можешь, я это и без вчерашнего знаю. А когда пора прекратить — пока решаешь так, будто рядом с тобой никого нет. Подпишу — стану за это отвечать тоже. Мне не хочется потом утешаться тем, что ты красиво держался.

Я опускаю глаза на две линии. Они неровные, с обрывом

там, где мел попал на щель между досками. Очень хочется уйти раньше, чем Мира подойдёт из мастерской и услышит отказ. Вместо этого снимаю клинок, оставляю на стойке и начинаю разминать левую голень. Корецкий пододвигает низкую скамью, чтобы можно было поставить ногу удобнее. До свободной дорожки ещё час. Я усаживаюсь, закатываю штанину и прошу его посмотреть, где именно я переношу вес не туда.

Глава 3. Длиннее клинка

Марков встряхивает на стол медную стружку вместе с пуговицей, двумя винтами и засохшей хлебной коркой. Стружка цепляется за мою манжету; я отдёргиваю руку, прежде чем тонкий завиток успевает впиться в кожу. Ламповый мастер шарит в кармане фартука и наконец достаёт обломок трубки. Мира убирает папку с грязного стола. За стеной кто-то принимается молотить по железу, и Марков вздрагивает, словно там портят его собственную работу.

— Вот, — говорит он, найдя наконец нужное. — Сами видите. Чистая медь. Никакой жести. Я ему сорок восемь таких сделал, а он меня при всём собрании...

— Что именно он сказал? — Мира прижимает папку к себе. Сесть ей некуда: единственный стул занят плафонами, а Марков, кажется, давно перестал отличать людей от предметов, которые можно временно поставить между заказами.

— Что я жестянщик.

Он находит под плафонами листок и читает, задевая усами край бумаги. Я освобождаю стул, складываю стекло на сундук, предлагаю Мире сесть.

— «Поставляет жестяную дрянь под видом доброго металла и обирает тех, кто ему доверился». Старостин сказал. Павел Сергеевич. При председателе, при семи членах собрания, при моём племяннике. Племянник ему сразу ответил,

а он велел вывести мальчика! Собственной рукой за ворот взял, вы понимаете?

Пока Мира уточняет свидетелей, я прохожу в соседнее помещение. Здесь жарче. У печи сушатся заготовки, на полу стоят корзины с разобранными светильниками; парень с коротким носом и тяжёлыми веками выколачивает вмятину на отражателе. Увидев меня, он кладёт молоток, но не встаёт. На ворота рубашки две новые заплаты, разного цвета. Я представляю, как Старостин держал эту ткань в кулаке, и чувствую неприятное желание сразу считать всё остальное установленным.

— Покажешь, что вернули? — спрашиваю я.

Он берёт из корзины светильник. На боку жирная полоса, возле основания вдавлен край. Плафон целый. Парень ставит лампу мне под ноги и называет причину возврата: дважды гасла, один раз сильно нагрелась. Старостин потребовал принять всю партию обратно, вернуть задаток и доплатить за простой зала. Дядя отказался. Тогда и собрание созвали.

— Она правда грелась?

— Эта — да. Заслонку закрыли и оставили у занавески. Её для высокого зала делали, на кронштейн. А они на низкую полку поставили. Вот здесь, видите, воск с ткани прилип.

Он трёт пятно ногтем, потом передумывает и убирает руку. Я присаживаюсь на корточки, заглядываю под отражатель. Версия выглядит разумно. Это ещё не значит, что она верная: за неделю в чужой корзине можно прирастить к же-

лезу какую угодно историю. Прошу позвать человека, который снимал лампы. Парень отвечает, что снимал он сам, вместе с прислугой Старостина, и сердится, когда я спрашиваю имя прислуги. Ему кажется, что я придираюсь к нему вместо покупателя.

Из первой комнаты слышится голос дяди. Марков просит Миру вписать в договор, что все лампы признаны исправными. Я поднимаюсь, цепляя плечом подвешенную цепь, и на минуту оказываюсь в звоне стеклянных подвесок. Парень успевает придержать ближайшую. Мы стоим под ними, как два вора, которых вот-вот услышит сторож.

— Ничего не разбил? — кричит Марков.

— Пока нет, — отзываюсь я и выбираюсь обратно. — Зиновий, все лампы я признавать исправными не буду. Я в них не понимаю.

Марков поворачивается ко мне с бумагой в руке. На верхней губе выступил пот. Мира сидит неподвижно, только под её пальцами чуть гнётся угол папки.

— А зачем мне тогда вас нанимать?

— Чтобы Старостин забрал слова про обманщика. Если такой исход вас устраивает. А за лампы будете разбираться с тем, кто умеет их проверять.

Он отодвигает трубку. Я смотрю на порванный ворот племянника, представляю кулак Старостина и понимаю, как хочется согласиться с заказчиком во всём. Денег у меня девяносто пять копеек: вчерашняя дорожка стоила три рубля, еда

— ещё рубль двадцать, сегодня отдал двенадцать за комнату. Это тоже помогает принимать чужую сторону.

Марков сгребает стружку. Порезавшись, суёт палец в рот, и племянник протягивает ему чистую тряпку.

— Мне надо, чтобы при тех же людях извинился, — говорит Марков тише. — И перед ним тоже.

Мира поворачивает бумагу: публичный отказ от обвинений и извинение перед обоими мастерами. При нашем поражении Марков отказывается требовать извинений и повторять обвинение Старостина в намеренной неоплате. Денежную претензию за товар разбирают отдельно. На этом мастер соглашается. Мира достаёт вторую половину условий: Олег Гранов, бой на три касания завтра в одиннадцать, двор при Суконном собрании. Я проверяю допустимую длину оружия и ставлю подпись.

Марков достаёт из коробки девяносто рублей — половину гонорара. Мира пересчитывает их: оплатит восемнадцать за допуск, двенадцать площадке, шесть за медицинское присутствие; остаток подержит до окончательного расчёта. Мою долю получу после выхода. От звука купюр сводит пальцы, и я берусь за клинок, будто проверяю застёжку ножен.

На улице мастер ещё раз касается моего рукава.

— Он за ворот взял. Не ударил даже. Взял и потащил, будто тот ему пол подмёл плохо.

Я говорю, что услышал. Племянник из дверей зовёт дядю обратно: металл в печи перестоял. Марков сразу оборачива-

ется и идёт быстрее, чем ходил всё утро.

У моста мы расходимся. Мира спешит к арбитру, мне надо посмотреть Гранова. Она успела договориться с ним о посещении тренировки; он ответил, что за сутки я всё равно выше не стану. Адрес на маленьком листке. Прячу его в карман, пока не решил пойти покупать себе более длинные ноги.

Гранов тренируется в пристройке Суконного собрания. Высокие окна распахнуты во двор, на подоконниках горшки с потрескавшейся землёй. Из двух дорожек занята одна. Его партнёра узнаю сразу: преподаватель городской стражи, седой и жилистый.

Олег замечает меня в дверях, поднимает свободную руку. Волосы у него стянуты на затылке узкой лентой, на длинной шее сбоку выступила жила. Он выше меня почти на голову. Деревянный клинок тоже длиннее обычного — не неприлично, в пределах допуска, но каждую лишнюю пядь завтра придётся отнять у него собственными ногами.

— Клинцев? Садитесь, мы скоро закончим. Только после не занимайте дорожку, здесь окна чинить будут.

Я сажусь у стены. Гранов поправляет маску, и следующие несколько минут я вижу главным образом его переднюю стопу. Она всё время оказывается там, где я хотел бы поставить свою. Он почти не бегаёт за противником: подаёт плечо, вынуждает сдвинуться, догоняет остриём. Если седой мужчина сближается, Олег отступает не прямо, а наискось, и чужой клинок доходит туда, где только что был его бок. Жара мало.

Внешняя форма вьётся вдоль дерева тонкой ниткой и натягивается в конце выпада. Каждый переход ощущаю отчётливо, каждый раз понимаю его слишком далеко от точки, в которой мог бы этим воспользоваться.

Под конец преподаватель подсекает клинок снизу и касается груди Олега. Тот просит повторить, но партнёр кивает на часы. В дверях ждут рабочие с новой оконной рамой. Гранов помогает убрать горшки с подоконника.

— Сколько он до этого взял? — спрашиваю я, когда Гранов возвращается за полотенцем.

— Это первое. Предыдущие восемь мои. — Гранов протирает шею, не отводя от меня глаз. — Что, смотрели только последнее?

— Надеялся, что вы тоже.

Он смеётся открыто, без желания понравиться. Затем подаёт мне свой учебный клинок. Я беру, пробую баланс, но он придерживает остриё двумя пальцами и не позволяет поднять.

— Без проб. Не хочу потом объяснять, почему у завтрашнего противника синяк ещё до выхода.

— Разумно. А у вас что за форма на конце?

— Завтра покажу поближе.

Я возвращаю оружие. Гранов убирает его в длинный чехол; ремень привычно проходит у него через плечо. У двери он останавливается, пропускает рабочих и вдруг спрашивает, действительно ли я занимался подготовкой армейских

магов. Вопрос без насмешки, и я отвечаю так же: занимался. Он кивает, словно это объясняет что-то увиденное раньше.

— У меня младший там сейчас. На западной линии. Если он скажет инструктору, что его старший брат дерётся за чужие лампы, тот его неделю не отпустит с полигона.

— Не говорите младшему про лампы. Скажите, защищаете торговую честь провинции.

— Он спросит, сколько платят за провинцию.

Корецкий выслушивает меня, пока завязывает пакет с бутербродами. Мои рассуждения о скорости сближения ему не нравятся. Он отставляет пакет, подбирает длинный шест и концом упирает мне в грудь. Когда я начинаю движение, уходит в сторону; шест успевает задеть ребро прежде, чем достаю до руки.

— Вот это и покажешь завтра? — спрашивает он.

В зале ждёт следующий ученик. Я возвращаю шест к стойке.

Корецкий разрешает позаниматься во дворе: там не задену чужую пару. Через час у него свободные двадцать минут, посмотрит ещё раз. Я благодарю и стараюсь не думать о том, сколько времени вчера потратил, пытаясь только ускорить шаг.

Тихон работает возле бочки с водой, охлаждает стальную пластину. На просьбу посмотреть обмотку ставит щипцы на кирпичи, берёт мой клинок и заставляет подать слабый импульс. Затем велит повернуть кисть.

Возле мизинца собирается складка. Он разматывает ладонь ленты, подтягивает и просит повторить. Свежая рукоять больше не жжёт. Я начинаю добавлять жар, и Тихон тут же берёт меня за запястье.

— Не здесь. Показал, что держит, и хватит. Ты её в бою проверить ещё успеешь.

Я убираю форму. Острие немного проваливается, потому что кисть ждала прежней тяжести. Мастер замечает, но говорит только про положение большого пальца. Мне же вспоминается Гранов: он начал отходить всякий раз, когда у его противника напрягалось плечо. Иногда до движения ног. Я пробую шагнуть с погашенным жаром и едва не наступаю на кирпич. Тихон подхватывает щипцами пластину с края бочки.

У стены хватает места на два шага. Ставлю кирпич на место чужой стопы, начинаю сближение, затем отпускаю жар. Тело становится обычным, тяжёлым. Шагаю — медленно, задевая носком землю. Тихон смотрит на меня поверх бочки. Он даже не спрашивает, как я собираюсь успеть: мне самому видно, что пока никак.

Пробую иначе: сперва обозначаю вход, потом расслабляю плечо, будто отказался. Гранов на утренней тренировке именно в такие мгновения возвращал переднюю стопу под тело, готовясь ответить. Ему нужно поверить, что я не пойду дальше. Кирпич, конечно, верит охотно; я дважды перешагиваю его и оглядываюсь на дверь.

Корецкий выходит с шестом. Я показываю ему задумку и сразу получаю ладонью в грудь: слишком рано погасил жар. Во второй раз он пропускает меня, но достаёт концом шеста до спины. Я упираюсь ладонью в стену, иначе придётся вставать на колено.

— А повернуться не успел. Пустой шаг у тебя пока. Зашёл и оставил там самого себя.

На следующей попытке заранее меняю положение задней стопы. Выхожу боком, удерживаю кисть у груди. Корецкий достаёт по бедру, велит повторить. Тихон уходит к себе; больше не приходится опасаться за его пластину. Под конец учитель даёт деревянный клинок. Дважды мне удаётся остаться возле его руки, сохранив остриё перед собой.

— Не бей отсюда вслепую. Достиг руки — проверь, куда острие смотрит. Гранов тебе дерево под мышку складывать не станет.

Я забираю свой клинок со скамьи и спрашиваю, что делать, когда Гранов поймёт. Ефим Павлович собирает шесты у стены.

— Тогда перестанешь это делать. Не женись на одном движении, Сеня. Оно тебе ещё ничего не обещало.

Вечером покупаю миску похлёбки, оставляя в кармане пятьдесят пять копеек. На обратном пути захожу к Мире прочитать окончательные условия. Ни одной новой строки. Она забирает лист и наконец отпускает меня спать.

Утром мы приходим к Суконному собранию за час до боя. Сторож оттаскивает нижнюю створку ворот от неровного камня, пропускает нас во двор. Здесь широко, окна закрыты сеткой, у дальней стены светлый навес. Гранов сидит под ним, позволяет секунданту проверять ремень у горла. Мне кивает, не поднимая головы.

Марков и племянник ждут возле скамей. У парня бутылка чая в свёртке, на рубашке тот самый перешитый ворот. Я здороваюсь, прошу пока не подходить к месту проверки.

Рядом со столом регистрации женщина пытается разложить складной стул, удерживая папку под мышкой. Подхватывая ножку, пока она не ударила по столу. Женщина благодарит и садится так, чтобы видеть двор.

— Софья Нечаева, «Вежинский листок», — представляется она, доставая карандаш. — Вы Клинец? После боя поговорим?

— Смотря о чём.

— О том, как работать против длинного клинка. Гранов сказал, вы вчера у него были.

Я соглашаюсь. Мира зовёт на проверку, и Софья сразу убирает стул с прохода.

Арбитр сегодня другой, плотный мужчина с гладким подбородаком. Проверяет длину оружия и проводимость стали.

В лист вписывают ограничение непрерывной нагрузки моего клинка; Тихонова обмотка проходит осмотр без замечаний. Я сжимаю рукоять, пока арбитр выдаёт секундантам копии.

— Три касания, — напоминает арбитр, когда нас ставят рядом. — После каждого подтверждённого попадания развести клинки, отойти к отметкам. Обмен окончен по моему знаку. На первом следе не праздновать. Одновременные в пределах одного темпа не считаю никому. Вопросы?

Старостин сидит за спиной Гранова. Невысокий, с круглыми плечами, маленькими гладкими руками; трудно представить его тащащим взрослого парня за ворот. На мастеров он не смотрит. Мира тем временем проверяет, не попал ли край моей перчатки под ремень.

— Кисть? — спрашивает Мира, не повышая голоса.

— Не тянет. Обмотка чуть толще, но привык.

Киваю ей и дохожу до отметки. Камень сухой, за спиной много места. Гранов поднимает длинный клинок, и я чувствую напряжение чужой формы. Слышу его прекрасно. До тела по-прежнему не достаю.

По знаку арбитра Олег сдвигает переднюю ногу на полступни. Остриё оказывается возле моего плеча раньше, чем поднимая защиту. Отвожу сталь наружу. Он не спорит: поворачивает кисть, скользит вдоль моего клинка и вынуждает отступить. Следующую пробу встречаю ближе к гарде. Ладонь держит, не жжёт. Начинаю сближение — Олег уходит наискось, успевая вернуть остриё между нами. Я пробую по-

гасить жар и обмануть его отказом от входа, но он не следует за мной. Просто ждёт.

Третий раз он начинает снизу. Сталь скользит к краю моей защиты; я слышу, как форма натягивается, и успеваю опустить гарду. Но выпад оказывается коротким. Гранов возвращает кисть, меняет угол и бьёт уже сверху, без нового усиления. Я отвечаю на первый переход, которого больше нет, и слишком поздно вижу настоящее острие. Оно оставляет тёмную черту на разметке у ключицы. Арбитр поднимает жезл.

— Первое Гранову. К отметкам.

Олег отходит. Я поворачиваю к Мире кисть, показывая, что рука в порядке. Она кивает и смотрит на мои ноги. Разворачиваю левый носок прежде, чем арбитр разрешает продолжать.

Гранов уступает мне середину. Теперь приближаться должен я. Пытаюсь оттеснить его к дальней стороне, но Олег выходит из угла и почти ловит меня на развороте. Остриё щёлкает по краю нагрудника, не доходя до разметки. Арбитр молчит.

Олег держит кисть высоко. Для обычного выпада неудобно, зато ему проще накрыть мою сталь и не дать пройти близко. Он понял, чего я хочу, ещё вчера. Я делаю два маленьких шага вправо, вынуждая переставить длинные ноги. На втором он переводит вес, и его форма на мгновение напрягается сильнее. Вот сейчас. Я вхожу с жаром, слишком явно, как на первых попытках у Корецкого. Гранов начинает отходить. Я

обрываю движение плеча и гашу усиление — будто опять не решился.

На этот раз он возвращает переднюю стопу к опоре. Не полностью, только носком. Ему нужен толчок для ответа; он слишком хорошо видел, как я отказывался от предыдущих попыток. Я шагаю в эту короткую паузу без магии, держу клинок у груди и чувствую всю тяжесть собственного тела. Ничего стремительного в шаге нет. Он просто начинается тогда, когда Гранов уже выбрал другое движение. Его гарда проходит возле моего локтя, а остриё ещё смотрит мимо.

Теперь повернуться. Не искать грудь вслепую. Я вижу серую строчку на рукаве, белую костяшку большого пальца, прижатого к рукояти; подаю свою сталь вверх вдоль внутренней стороны его руки. Короткого жара хватает только на кромку. Гранов выворачивает плечо, но я уже рядом. На левом боку его защиты проступает пятно.

— Клинцеву. Один — один.

Отступаю, убрав форму. Олег проводит пальцем по метке, поднимает глаза. Пока арбитр проверяет след, он разбирает увиденное. Вчера Корецкий позволил мне повторить удачный вход дважды; здесь второй раз придётся придумать самому.

Он начинает следующий обмен с низкой гарды. Длинный клинок теперь легче вести снизу, и все пути к руке остаются под ним. Я пробую вынудить поднять остриё; Олег уступает полшага, но кисть сохраняет на месте. Тогда повторяю нача-

ло пустого входа, ещё не решив, пойду ли до конца. Гранов атакует сразу, в момент, когда жар ушёл из моего плеча. Ока-
зывается, этого достаточно, чтобы превратить мой замысел
в очень плохую привычку.

Ускользаю корпусом. Левая стопа выворачивается, в за-
тылке отдаёт. Чужое остриё скользит по ткани у нижнего
края защиты, не касаясь разметки. Бой продолжается. Я от-
скакиваю, пытаюсь поднять клинок, но Гранов уже рядом.

Он вынуждает меня поднять сталь и касается середины
нагрудника почти без усилия. Форма на его оружии всё это
время остаётся ровной. Нечего услышать; я просто не справ-
ляюсь с клинком, который пришёл туда, где моя защита бы-
ла мгновение назад.

— Два — один. Гранов ведёт.

Я дохожу до отметки, чувствуя, как по виску стекает пот.
Мира подходит на разрешённые несколько шагов, ждёт, пока
арбитр закончит осмотр. Не трогает меня. Я сам разжимаю
пальцы и снова беру рукоять, чтобы она увидела.

— Держит, — говорю. — Шею дёрнул, но поворачивает-
ся.

— Вижу. Сколько раз будете повторять вход, который он
уже встретил?

— Один лишний уже повторил.

Мира затягивает съехавший ремень нагрудника. На дру-
гом конце двора секундант Гранова указывает на мой ле-
вый бок. Я перестаю слушать и вспоминаю, где стояла Оле-

гова стопа, когда он меня поймал. Он сам сокращает расстояние, едва гаснет моя форма. Воспользоваться этим можно — только бы не остаться у него перед остриём.

Начинаем. Даю оттеснить себя на два шага, приоткрываю левую сторону. Гранов проверяет сверху, я отвожу сталь и остаюсь на месте. Он не торопится добирать последнее попадание, приходится ждать следующей пробы.

На третьем обмене я подаю жар в плечо и начинаю знакомое движение. Гранов уже готов: едва кромка тускнеет, он толкается задней ногой. Только моё тело остаётся снаружи от линии выпада. Пустой шаг уходит не к нему, а в сторону — коротко, почти на месте. Я встречаю его сталь у собственной гарды, где проводник ещё держит, скольжением отвожу мимо бедра. Длинное оружие наконец проходит рядом со мной целиком. До его рукояти можно дотянуться локтем.

Гранов пытается отдернуть руку. Я успеваю коснуться разметки прежде, чем он вернул клинок между нами, и тут же убираю оружие. Олег всё равно задевает мой нарукавник краем гарды. Удар тупой, неприятный. Мы оба смотрим на арбитра: метка одна, на его груди. Судья осматривает мой рукав, проводит по ткани ладонью и разводит нас.

— Два — два. Последнее подтверждённое.

У меня болит локоть. Не настолько, чтобы разжимать пальцы, но теперь любое движение рукояти отдаётся выше кисти. Показываю место Мире. Она не кивает немедленно, как мне хочется: сначала просит согнуть руку. Сгибаю, раз-

гибаю. Белая пластинка остаётся опущенной. Я возвращаюсь к отметке и стараюсь не думать о том, как близко она держала её к пальцам.

Теперь Гранов не отвечает на погашенную форму. Я обозначаю отказ от входа — он сохраняет дистанцию. Мы оба ждём, клинки остаются на линии. Олег переступает в сторону, и я следую за ним.

На пробу я даю ему свою левую сторону. Он не берёт. Обходит по внешнему кругу, выбирая линию, где солнечный свет из-за навеса попадёт мне в глаза. Хорошая мысль, только от неё приходится переставлять ноги быстрее. Я двигаюсь вместе с ним и вижу, как он на каждом втором шаге собирает стопы чуть ближе: так проще развернуться, если я всё-таки пойду. Раньше следил за жаром и пропускал это движение. Теперь у Олега почти нет внешней формы, и я наконец смотрю туда, куда следовало смотреть с самого начала.

Я поднимаю клинок, вынуждаю его отвести остриё наружу, и даю ему выйти из контакта. Он возвращает оружие на линию. Делаю то же ещё раз, но уступаю середину сильнее. До меня можно достать обычным выпадом; не идти за мной нельзя, иначе я пройду сбоку. Гранов начинает переставлять переднюю стопу. Я жду, пока она оторвётся от камня, и захожу с жаром, оставляя его на кромке. После двух пустых шагов это движение кажется мне грубым, почти слишком заметным. Олег видит его тоже — и на мгновение задерживает ответ, ожидая, что я опять погашу форму.

Я не гашу. Моя сталь скользит по его клинку, прижимает его вниз не силой, а углом. Правый локоть простреливает, плечо хочет подняться; удерживаю его и продолжаю шаг. Гранов отступает, но передняя нога ещё не стала опорой. Ему приходится ставить её туда, куда уже уходит корпус. Я успеваю достать до разметки под правой ключицей. Почти сразу вижу его острие у своего бока и убираю грудь, не отрывая взгляда от металла.

— Стой!

У Олега клинок замирает в нескольких пальцах от меня. Мой уже отведён. Мы стоим слишком близко, слышно, как воздух шуршит у него в носу. Он смотрит вниз, на новую метку, затем на мою защиту. Арбитр подходит, заставляет нас развернуться к свету и проверяет оба места. В моём боку нет следа. Только пуговица на краю сюртука лежит наискось, готовая оторваться.

— Три — два. Победа Клинцева.

Олег выдыхает так, словно до этого держал во рту воду. Убирает оружие под надзором проверяющего, протягивает мне левую руку, видимо заметив, как я берегу правый локоть. Яжимаю. Ладонь мокрая, пальцы сильные.

— Последний раз думал, уберёте, — говорит он.

— Я тоже чуть не убрал.

Он смеётся и отворачивается к секунданту. Марков подходит лишь после осмотра моей руки. Держит за здоровое плечо, кивает, пытается что-то сказать. Племянник протяги-

вает бутылку чая. Пью, пока мастер повторяет спасибо и постепенно перестаёт давить пальцами в плечо.

Старостин уходит. Его представитель остаётся подписать обязательство об извинениях при прежних свидетелях. Марков пытается вмешаться в согласование текста; Мира усаживает его рядом с собой, и я наконец могу заняться собственной повязкой.

Медицинский помощник устраивается напротив на перевёрнутом ящике. У него короткие толстые пальцы, которыми неудобно завязывать узел; он просит Миру придержать конец ткани, а сам сначала ощупывает локоть. Я отвечаю на вопросы раньше, чем он заканчивает, пока он наконец не поднимает голову.

— Не угадывайте. Здесь больно?

Он нажимает чуть выше. Я дёргаюсь. Мира держит ткань, смотрит в сторону двора и не помогает мне сделать вид, что всё хорошо. Помощник просит согнуть руку, развернуть ладонь, сжать его пальцы. На последнее уходит больше сил, чем хотелось бы показать. Он сравнивает со здоровой стороной, проверяет снова и отпускает.

— Ушиб. Сегодня никакой работы клинком. К вечеру распухнет сильнее — приходите на осмотр, адрес на листке. Если пальцы начнут неметь, тоже не ждите утра.

— А завтра?

Он берёт повязку у Миры, оборачивает локоть и только тогда отвечает: завтра будет видно. Я отвожу глаза к ска-

мьям. Парень в широком жилете стоит там со своим клинком и старательно делает вид, что не слушает. Помощник завязывает узел, оставляет мне полоску бумаги с адресом. Хочется убрать её в карман побыстрее. Мира накрывает бумагу ладонью, пока я не прочитаю.

— Я не собираюсь сегодня драться, — говорю ей вполголоса.

— Знаю. Вы собирались проверить новый вход. Это тоже работа рукой.

Я удерживаю взгляд и наконец киваю. Она отпускает листок, помогает натянуть рукав. За её плечом Марков уже зовёт племянника к арбитру; парень оглядывается на меня, и я показываю здоровой рукой, что всё в порядке. Помощник усмехается, складывая вещи обратно в ящик.

Софья подходит с блокнотом, когда я уже натянул рукав на повязку. Репортёр садится рядом, оставляя между нами место для моего клинка, и спрашивает, почему перед последним попаданием я не сделал тот же приём. Отвечаю, что Гранов уже научился на него не попадаться. Она ждёт продолжения, и я добавляю: иногда полезно разрешить человеку чему-нибудь научиться прямо во время боя. Карандаш останавливается над листом.

— Это можно так и написать?

— Только не делайте вид, будто у меня с самого начала всё было задумано. Два раза он меня достал по-настоящему. Она записывает, читает вслух одну фразу — уточняет,

верно ли поняла. Про службу не спрашивает. Когда Софья уходит к Гранову, её место занимает молодой парень в широком жилете. Он всё это время ждал возле скамьи, удерживая клинок за середину ножен.

— Данила Сивцов. Я у Корецкого иногда. Вчера вас видел. Наступали на кирпич, я сперва подумал, растяжка такая.

Он говорит без улыбки, и я не сразу понимаю, что смеяться можно. Данила садится на край скамьи и спрашивает, сколько учат такой шаг. Отвечаю: начал вчера. Лицо у него загорается, приходится испортить хорошую новость — до этого двадцать лет учился не падать, когда ноги мешают руке.

— Покажете? — Он уже приподнимается, словно мы сейчас найдём свободный угол.

Я выдвигаю правую руку из-под ткани. На локте простая повязка, никакой впечатляющей крови. Данила смотрит на неё и садится обратно.

— Завтра в зале, если не будет мешать. И сперва покажешь свою стойку. Сколько выходов?

— Четыре. Два выиграл. Один спорный был.

— В пользу кого записали?

Данила кривит рот, но отвечает сразу: не в его. Я киваю. Он достаёт из кармана карточку «Белой перчатки», вертит между пальцами, не предлагая мне. Говорит, там обещают дать хорошее оружие, если пройдёт просмотр. Я не успеваю ответить: Мира зовёт к расчёту. Данила встаёт вместе со

мною и, подумав, убирает карточку лицом внутрь. Я не знаю, зачем. Очень надеюсь, что не ради моего одобрения.

К расчёту мне выдают сто двадцать два рубля сорок копеек. Из ста восьмидесяти тридцать шесть ушли на сборы, ещё двадцать один шестьдесят — Мире. Я прячу деньги, благодарю её и обещаю сегодня не тренироваться: медицинский помощник велел побереечь ушибленный локоть. Вечером захожу к ней отнести копию решения для будущей заявки. Мира уже закрывает контору; мы вместе спускаемся и расходимся у лавки. Стук печатной машины из соседнего двора уже слышен на всю улицу.

Возле часовщика меня догоняет Данила с вечерним выпуском «Листка». Купил у мальчишки на углу, увидел мою фамилию. Отдаю ему пять копеек, расправляю лист. Во второй полосе есть счёт, есть мои слова о двух настоящих попаданиях. Ниже, у края столбца, ещё несколько строк.

Три года назад господин Клинецв был ограничен в профессиональных правах за неподчинение и удар старшего офицера при исполнении. Сейчас выступает по разовым назначениям. Газета сообщает это тем же ровным шрифтом, что время завтрашнего прибытия речного парохода.

Данила стоит рядом, смотрит то на меня, то на бумагу. Я складываю лист не по прежнему сгибу и рву край. Приходится развернуть обратно, разгладить пальцами. Оба факта верные; от этого нисколько не легче. Софья сидела рядом, просила проверить одну фразу, ждала, пока я подберу слова,

— и ни разу не сказала, что собирается добавить это. Я убираю газету под здоровую руку, спрашиваю Данилу, где у них редакция, и запоминаю адрес. Сегодня туда уже не пойду: слишком хорошо знаю, каким голосом начну разговор, если доберусь прежде, чем перестанет стучать в висках.

Глава 4. Вежливый покупатель

Данила уже разулся и стоит у стойки, когда я прихожу в зал. Новые сапоги поставил носками к стене, чтобы никто не наступил; на одном ещё висит магазинная нитка. Мне кажется, вчера её не было. Он берёт два деревянных клинка, но, увидев, как я снимаю сюртук, возвращает один на место. Правый локоть за ночь пожелтел по краям. Повязку утром снял, пальцы слушаются, однако рукав надевать пришлось медленно, под собственное негромкое ворчание. Данила старательно смотрит мне в лицо, словно локоть можно смутить излишним вниманием.

— Показывать не стану, — предупреждаю я. — Буду говорить, где у тебя что не так.

— Это Корецкий тоже говорит.

— Значит, начну с того, что уже говорил он.

Парень усмехается и выходит к полосе на полу. Ефим Павлович разрешил ему использовать последние десять минут оплаченного часа. Сам занимается у дальней стены и время от времени смотрит на нас; я чувствую его взгляд всякий раз, когда хочется взять второе оружие. Данила поднимает клинок, выгибает спину, отставляет свободную руку. В профиль выглядит прекрасно. Я обхожу его и прошу шагнуть. Передняя стопа встаёт поперёк, таз остаётся сзади, клинок уходит вперёд отдельно от хозяина.

— Ещё раз. Только руку не тяни.

Он повторяет, сердясь заранее. На третий раз я подкладываю под носок сложенную тряпку: если зацепит её при шаге, почувствует. Данила сдвигает ткань, возвращается, пробует опять. Выходит короче, зато без заваливания. Он смотрит на меня, ждёт одобрения. Я киваю и показываю, откуда его в таком положении достанет противник.

— А тот шаг когда?

— Когда этот получится не один раз.

Данила убирает клинок. Я думаю, что обиделся, но он просто вытирает ладонь о брюки: рукоять стала мокрой. Вчерашний жилет висит на гвозде рядом с моим сюртуком, и из кармана выступает край той самой серебряной карточки. Парень замечает, куда я посмотрел.

— Сапоги оттуда, — говорит. — Дали на примерку. Если возьмут, вычтут из первого расчёта. Эти старые узкие, в них большой палец криво стоит.

Я опускаю глаза. Изношенную пару он принёс в мешке; один носок и правда раздался в сторону. Хотелось бы сказать, что хорошая обувь не повод подписывать чужие условия. Сказать легко, особенно стоя в сапогах, которые Степан ночью переклеивал бесплатно.

— Возьми лист, где написана цена, — прошу я. — До того, как разносишь.

Данила пожимает плечом, но обещает. Корецкий показывает пальцем на часы. Я отпускаю парня, сам забираю сюртук

и прошу Ефима Павловича посмотреть локоть. Он не изображает врача: велит не тренироваться до вечера, а там решим. Так и говорит — решим. От этого хочется остаться, посидеть на скамье и поговорить о чём-нибудь, что не напечатано вчера в газете. Вместо этого я иду в редакцию.

«Вежинский листок» занимает второй этаж над булочной. Лестница узкая, по стене тянутся тёмные полосы от ящиков с бумагой. У входа меня едва не сбивает мужчина с охапкой свёрнутых листов. Он придерживает их подбородком и велит не стоять на дороге, даже не посмотрев на клинок. Я отступаю, пропускаю ещё одного, затем всё-таки добираюсь до стола, за которым Софья Нечаева правит длинную полосу набора. Волосы сегодня стянуты платком, вчерашней шпильки не видно.

Она замечает газету у меня в руке раньше, чем лицо. Откладывает карандаш, убирает со свободного стула стопку листов. Я не сажусь. Софья смотрит на стул, потом снова на меня.

— Про лицензию? — спрашивает без предисловий.

— Вы обещали говорить о бое.

— Говорила. А справку добавил редактор.

Отговорка звучит слишком удобно. Я кладу газету поверх её полосы; край задевает чашку, и она быстро поднимает её, чтобы не залить бумагу. Чай плескается ей на пальцы. Софья ставит чашку на подоконник, вытирает руку и только после этого продолжает:

— Я принесла текст в половине второго. Справку увидела перед печатью. Возражать не стала, потому что сведения верные. Но должна была сказать вам, что они пойдут рядом. Этого не сделала.

— Кто дал справку?

— Палата. Сведения о действующем допуске и основании ограничения открыты. Это не ваш служебный разбор целиком.

Она достаёт лист с печатью. Те же слова, только с датой и номером. Ни человека, которого тогда вывел со двора, ни его сломанной ноги здесь нет. Зато моя фамилия разборчиво напечатана рядом с ударом старшего офицера.

— Почему вдруг запросили? До вчерашнего дня никому не было дела.

Софья садится. Теперь, когда я всё ещё стою, смотреть на неё неудобно. Приходится подвинуть стул носком и опуститься. Правый локоть тут же напоминает о себе, и она замечает, как я устраиваю руку на колене.

— Готовим список возможных участников Кубка. Запросили сводку о разовых представителях, у которых есть победы. Вчера редактор выбрал вашу фамилию для справки к заметке. Кто-то до этого мог ему подсказать, на что посмотреть. Я этого не знаю.

— Ремезов?

— Я сказала: не знаю. У газеты есть рекламный договор с его конторой. Это да. Что редактор получил от него просьбу

про вас — такого у меня нет.

Через проход проносят деревянную рамку с набором. Софья встаёт, придерживает мой стул за спинку, чтобы мужчина не задел меня углом. Вся редакция занята делом, которому мой гнев мешает меньше, чем стоящий не на месте стул. Я убираю газету с её полосы, разглаживаю примятый край. Злюсь по-прежнему, но теперь хотя бы на то, что действительно произошло.

— Допишите, почему ударил, — говорю.

— Расскажите?

Я открываю рот. За дверью хлопают, кто-то кричит фамилию наборщика, из булочной снизу тянет тёплым тестом. Вспоминается совсем другой запах: мокрая лошадь у ворот, йод на чужом воротнике. Человек лежит на камне и просит не трогать ногу. Офицер стоит между мной и выходом; мне до сих пор кажется, что я мог обойти его, если бы потратил ещё секунду на мысль. Тогда не потратил.

— Противник сдался, — произношу я. — Его не отпустили. Я вывел. Офицер мешал, я ударил.

Софья не берёт карандаш. Спрашивает, была ли сдача отмечена в решении. Отвечаю: её сочли спорной. Жест видели двое, слова слышал я, секундант позднее отказался подтвердить. Её пальцы лежат на папке спокойно; она не пытается утешить меня тем, что поверила сразу.

— Это можно напечатать как вашу версию, — говорит наконец. — Для большего нужны ещё люди и документы. Имя

того бойца назовёте?

Я качаю головой. За три года не спросил у человека, хочет ли он снова оказаться в газетной истории со мной. Софья закрывает папку, разрешает переписать номер запроса.

— Если будет продолжение, сначала поговорите со мной, — прошу я.

— Если буду писать я — поговорю. За редактора обещать не могу.

Я поднимаюсь. Софья ловит рукав, не тот, что скрывает ушиб, и отпускает почти сразу.

— Вчера вы честно сказали про два попадания. Я могла так же честно предупредить про справку. Простите.

Готового ответа у меня нет. Киваю, надеваю шляпу, которой в помещении всё это время мял поля, и выхожу. На лестнице приходится прижаться к стене, пропуская ещё одну пачку бумаги. Теперь понимаю, почему она сидит лицом к двери: иначе за рабочий день затопчут. Это понимание не делает заметку приятнее, но хотя бы позволяет унести из редакции не только собственную злость.

Мира ждёт меня у своей конторы. Я ещё на лестнице достаю газету, но она показывает такой же выпуск на столе. Рядом лежит письмо с серебряной ладонью. На этот раз внутри не предложение заплатить за неизвестность, а приглашение к графу Борису Ремезову на час дня. Мира читает вслух время, смотрит на часы и спрашивает, успею ли поесть до трамвая. Отвечаю, что вчерашнюю заметку не удалось исправить.

Она не повторяет вопрос. Подвигает ко мне половину пирога на блюде, пока я рассказываю про запрос Палаты.

— Редактор мог узнать без графа, — говорит она. — Заказывать любую неприятность лично ему необязательно.

— Зато встречу назначил удобно.

— Тут спорить не буду. Поеду с вами.

Серебряное приглашение адресовано мне одному. Я касаюсь края конверта, и Мира замечает.

— Если вас покупают как моего клиента, я хочу видеть условия. Если как частного человека — подожду в приёмной. Но возвращаться за советом с подписью внизу поздно.

Я доедаю пирог, стряхиваю крошки в блюдо. Ехать вместе собирался попросить сам; неприятно лишь то, что она успела раньше. С улицы доносится звон, и мы спускаемся, пока нужный трамвай ещё стоит у поворота.

На Белых террасах пахнет нагретым камнем. Дома отодвинуты от улицы, между оградами нет чужих сараев, из которых обычно что-нибудь торчит на уровне лица. У крыльца конторы двое рабочих меняют табличку на дверях; прежнюю сняли целиком, не замазывая имён. Мира задерживается возле неё, читает. Там перечислены представители, закреплённые за разными дворами. На новой фамилий заметно больше.

Веденин встречает нас без удивления. Здравовается с Мирой, просит отдать верхнюю одежду и провожает в маленькую приёмную. Здесь уже сидит мужчина с рукой на перевя-

зи, знакомый по городским афишам. Напротив него молодая женщина показывает счёт за лечение. Он сердится на цену, она объясняет, что платить ему не надо: нужно только подтвердить, какие процедуры сделали. Увидев нас, она понижает голос. Я успеваю заметить подпись врача и сумму, которую с двумя своими победами оплатил бы не сразу.

Веденин предлагает чай. Отказываюсь; рука всё ещё пахнет булочным пирогом, и сидеть второй раз за этот день перед чужой чашкой не хочется. Он забирает подписанный счёт у женщины, просматривает, отмечает одну строку. Мужчина на перевязи просит вернуть: обещали десять занятий, здесь девять. Веденин исправляет цифру и извиняется. Никакого спектакля для нас, насколько могу судить. Человек даже не смотрит в нашу сторону, слишком занят своим плечом.

— Страховая часть? — спрашивает Мира, когда выходим в коридор.

— Оплата из нашего резерва. Клиент возместит по своему договору. Боец ждать расчёта не должен.

Я слышу эти слова слишком хорошо. Веденин открывает дверь в зал, и прохладный воздух касается лица. Круг размечен на ровном деревянном настиле, у окна стойка с клинками. Никаких расшатанных скамей. Можно было бы сказать, что мне нравится простота Корецкого, но ноги уже оценили пол, а глаза — расстояние до стены.

У дальней стойки Валентин Вельский снимает защиту.

Узнаю его без подсказки: на афишах лицо обычно чуть моложе, зато в жизни заметнее перелом на переносице. Он разговаривает с партнёром, удерживая одним пальцем край расстёгнутого нарукавника. Тот показывает движение; Вельский выслушивает и велит повторить с оружием. Всего один обмен. Жар переходит из плеча на клинок, остаётся там, и одновременно укрепляется бок. Два отчётливых напряжения накладываются друг на друга, не оставляя промежутка, в который я привык входить.

Вельский отводит чужое острие, касается плеча партнёра. Затем сам касается его локтя пальцами, показывает, где тот потерял защиту. Голос тихий. Если бы не форма, можно было принять за обычное окончание урока. Я стою у двери, пока он не поворачивается и не замечает, что у него есть зрители.

— Вчерашний Клинец? — спрашивает.

Веденин представляет нас. Вельский пожимает мне руку без попытки раздавить. Глаза задерживаются на локте, затем на Мире. Поздравляет с победой и говорит, что Гранов стал осторожнее, чем ему полезно. Я отвечаю, что осторожности ему почти хватило. Вельский кивает, но по лицу не понять, согласился или просто закончил разговор. Забирает полотенце, проходит мимо. Я провожаю взглядом его правое плечо, запоминая, как спокойно оно движется без усиления.

Кабинет графа дальше по коридору. Ремезов стоит у открытого окна и придерживает створку, пока служащий под-

тягивает винт в петле. Когда тот заканчивает, граф сам пробует закрыть, открывает снова, благодарит. Нас просит подождать ещё мгновение: от окна натекло на пол, надо убрать воду, иначе кто-нибудь поскользнётся. Мне невольно вспоминается Медный двор. Там работник с ведром появился уже после боя.

Борис Ремезов не похож на человека, которому нужно объяснять, кто здесь хозяин. Седина у висков, тяжёлые пальцы без лишних колец, жилет расстёгнут на нижнюю пуговицу. Он здоровается с Мирой по имени, со мной — по имени и отчеству. Предлагает сесть ближе к окну, где прохладнее, но я выбираю место, с которого видно дверь. Граф замечает выбор. Ничего не говорит, просто переносит бумаги на мою сторону стола.

— Начнём с неприятного, — предлагает он. — Веденин показал ваш ответ. Вы совершенно правильно не взяли аванс без имени и условий. Нам следовало приложить их раньше.

— Теперь приложите?

— Тот вечер занят. До сдачи, без смертельных условий, противник третьей ступени. Но сегодня речь не об одном выходе.

Мира уточняет: прежнее предложение закрыто, расходов за нами нет? Граф подтверждает и делает для Веденина пометку. Я жду, пока он отложит лист.

— Что хотите предложить сейчас? — спрашиваю я.

Ремезов открывает ящик и достаёт футляр. Не толкает его

ко мне, а сначала спрашивает, могу ли сегодня нагружать руку. Отвечаю: сильно не могу. Он оставляет футляр закрытым и звонит в маленький колокольчик. Когда приходит служащий, просит позвать оружейника и принести лёгкую стойку. Потом раскрывает бумаги.

— Триста рублей в месяц, гарантированно. До двух согласованных выходов. Доплата с каждого заказа сверх оговорённой суммы, порядок расчёта здесь. Зал, медицинская помощь после рабочих повреждений, проводник под вашу руку. Взнос Кубка оплатим отдельно. Если захотите готовиться к нему, на время подготовки сокращаем назначения.

Я смотрю на цифру. Триста, даже если заказов в этом месяце меньше. Мне не нужно стоять возле парохода с ушибленным локтем, спрашивая, требуется ли ещё один грузчик. Не нужно торговаться со стариком, который показывает плохую кожу и надеется занять денег у сына. За секунду успеваю прожить неделю, в которой выбираю обед по запаху, а не по цене.

Мира снимает перчатки. Делает это медленно, аккуратно укладывает одну в другую и лишь потом просит второй экземпляр. Ремезов подаёт сразу, без взгляда на меня. Мы читаем каждый своё, слышно, как за окном ножницами режут ветку. Оружейник приходит с футляром поменьше, но граф просит несколько минут не мешать.

— Исключительное представительство на два года, — говорю я, дойдя до нужного места. — Все заказы через вас.

— Да. Иначе мне нечем обосновать расходы.

— Отказаться от конкретного можно?

Ремезов поднимает два пальца, затем опускает один на строку передо мной.

— Два отказа от согласованных по общим условиям назначений за полугодие без изменения гарантии. Медицинский запрет не считается. Третий — пересмотр минимальной выплаты. Не штраф за то, что не вышли. Мы перестаём обещать сумму, которую ваш выход должен был обеспечить.

Мира спрашивает, кто определяет соответствие общим условиям. Граф поворачивает к ней свой экземпляр, называет пункт, предлагает оговорить пределы письменно: ступень соперника, длительность, допустимый формат. Смертельный договор можно исключить целиком. Я чувствую, что приготовленные возражения заканчиваются раньше, чем он перестаёт на них отвечать.

— А честь заказчика? — спрашиваю. — Её в какой строке ограничим?

— Вы хотите выбирать предмет спора. Понимаю. Но я тоже выбираю, кому платить гарантированное содержание. Мы проверяем законность. Личные убеждения представителя выясняем до подписания договора, насколько это возможно. Полного совпадения с любым будущим клиентом обещать не буду.

Перед глазами стоит Марков, который тоже хотел расширить предмет спора, пока Мира его не остановила. Граф раз-

решает оружейнику открыть футляр.

Клинок внутри лежит на серой ткани. Без позолоты, без надписи, которая объясняет, насколько дорого я должен его оценить. Узкая светлая полоса проходит от гарды до рабочей трети, рукоять ещё не обмотана: дерево можно подогнать. Оружейник устанавливает стойку на столике у окна, просит левую ладонь, затем правую. Замеряет расстояние между костяшками, спрашивает, каким хватом пользуюсь при сближении. Граф в это время отвечает на вопрос Миры о страховом резерве. Я слышу отдельные слова, а сам слежу, как мастер без моего объяснения выбирает другую накладку.

— Вот эту попробуйте. Не поднимайте локоть.

Я беру рукоять. Клинок опирается на стойку, веса почти не чувствую; даже так ясно, насколько удобно можно было сделать привычную вещь. Пальцам не приходится искать место на неровной обмотке. Мастер просит слабый импульс, и жар проходит ровно, без привычного сухого сопротивления возле гарды. Я невольно добавляю ещё немного. Локоть нет. Убираю форму сам, раньше его предупреждения.

Мира замолкает на середине фразы. Граф поворачивается, смотрит на клинок, потом на мою руку. Я возвращаю оружие на подставку и спрашиваю цену. Ремезов отвечает: семьсот двадцать вместе с подгонкой. Для меня в рамках договора — в пользование, обычный износ за счёт конторы. Если захочу выкупить, цену оговорим отдельно с учётом службы. Он не говорит «подарок», и мне от этого проще хотеть вещь,

которую собираются дать.

— Ваш мастер называл меньше, — замечает Мира.

— Здесь другая сталь, — отвечает оружейник, прежде чем я успеваю открыть рот. — Если у господина Клинцева есть свой мастер, пусть посмотрит. Обмотку и рукоять можем отдать ему, сердцевину менять не потребуется.

Я почти сразу представляю Тихона над этим футляром. Он поднял бы брови, попросил щуп, потом долго не отдавал бы клинок, пока не проверил всё сам. Хорошая картина. Особенно потому, что в ней я уже владею оружием и могу распоряжаться тем, кто его чинит.

Ремезов отпускает оружейника. Футляр остаётся открытым. Граф возвращается к столу, а я выбираю прежний стул с дверью перед глазами; теперь это выглядит лишней предосторожностью. Дверь здесь никому не мешает выйти.

— Мира продолжает вести мои бои? — спрашиваю.

Она поворачивает голову, и я понимаю, что мог бы сначала задать вопрос ей. Ремезов отвечает осторожно: если захочет. Штатного секунданта обеспечивает контора, отдельную работу госпожи Долиной можно оплачивать из моей доли либо включать в смету конкретного заказа. За приведённого представителя ей предложат разовое вознаграждение. На слове «приведённого» Мира чуть сдвигает свой экземпляр в сторону.

— Я сюда никого не приводила за вознаграждение, — говорит она. — Мне нужно понять, чьи указания действуют

у черты. Заказчика конторы или выбранного бойцом секунданта.

— У черты — секунданта. Условия он получает до боя и принимает вместе с представителем. Спор о преждевременной остановке разбирается после, как и в любом другом месте.

Мира переворачивает страницу. Взнос Кубка и дополнительные часы названы авансом на подготовку. При досрочном выходе из договора неотработанную часть надо вернуть; сумма уменьшается по месяцам. Обычного лечения и износа это не касается. Ремезов выводит пример на полях. Считаю вместе с ним: сумма внушительная, но обмана в расчёте нет.

— Выиграю хартию, — говорю. — Открою свою практику.

Ремезов поднимает глаза от расчёта.

— После окончания срока. Либо досрочное соглашение о выходе. Полученная хартия принадлежит вам, я на неё не претендую.

— Два года ещё работать через вас?

— Два года с момента подписи. Призовые ваши за вычетом согласованных расходов. При большом выигрыше остаток аванса закрывается легко. Но исключительное представительство само по себе от этого не исчезает.

— Зачем я вам? — спрашиваю наконец. — Вельский у вас уже есть.

— Вельский не должен выходить за каждого торговца. И

не должен обучать каждого новичка. Вы умеете объяснять движение, быстро читаете противника, не пугаетесь рабочего контакта. На двух ваших выходах мы это видели. При грамотной подготовке можете приносить больше, чем тратите на своё содержание.

— И не выйти против вашего чемпиона на Кубке.

Ремезов откладывает карандаш. Некоторое время смотрит прямо, без той вежливой задержки, с которой прежде давал мне договорить.

— Мои представители могут встретиться друг с другом по сетке. Условий о сдаче места здесь нет. Но если в Кубке останутся люди моей конторы, это, разумеется, выгоднее мне, чем победа постороннего. Вы ожидаете, что я буду стесняться такой выгоды?

Я качаю головой. Через два года моё ограничение и так закончится. Останутся ли к тому времени клиенты, привыкшие звонить мне, а не в «Белую перчатку», здесь не обещают. Новое оружие лежит у окна; я поворачиваю свой экземпляр последней страницей вверх.

— Сегодня не подпишу, — говорю я.

Граф закрывает папку. Движение короткое, деловое; ни сожаления, ни облегчения. Просит взять экземпляр, прочитать ещё раз без спешки. Предложение оставит до завтрашних пяти. Потом расписание и бюджет на подготовку придётся распределить между другими. Я встаю, и он тоже поднимается, проводит нас до двери.

У столика с оружием я задерживаюсь лишь на мгновение. Этого хватает. Ремезов предлагает оставить клинок на сутки для проверки у моего мастера. Никакого обязательства, только расписка о получении. Я смотрю на Миру; она не мешает и не подсказывает. Приходится самому сказать, что оружие посмотрю, если решу принять договор. Оружейник уже ушёл, и крышку футляра закрывает граф. Щелчок замка слышен неожиданно хорошо.

В трамвае свободно одно место. Мира садится, я держусь левой рукой за поручень. На повороте она придерживает мою папку, пока я переставляю ноги. Спрашиваю, что думает об условиях. Она отвечает не сразу.

— Большую часть обещанного дадут. Во всяком случае, по тексту есть что требовать. По двум прошлым делам они своим платили вовремя.

— А вы бы согласились?

Она поднимает голову. Вагон звенит на стыке, и приходится наклониться ближе, чтобы услышать.

— Я уже работала с человеком, за которого назначение выбирал посредник. Когда требовалось остановить бой, у черты решали сразу трое. Здесь Ремезов предлагает поправить условия. Если поправит, это решит часть проблем. Мои собственные планы он не решит.

— Вы потеряете клиента.

— Да. Я не собираюсь говорить, что мне всё равно.

Я жду совета, хотя бы готовой причины отказаться. Ми-

ра смотрит в окно. У Нижних рядов отдаёт папку и просит завтра до обеда зайти: независимо от ответа графу нужно распределить ближайшие дни. Мы расходимся без обычного разговора у двери.

Наутро я раскладываю договор на сундуке: стол занят мокрой рубашкой. С окна дует, верхние листы придерживает старая пуговица от перчатки. Выпала из кармана, когда менял сюртук; собирался выбросить, но забыл. Под пуговицей строка о двух отказах. За завтраком так и не переворачиваю страницу, хотя давно прочёл её до конца.

В контору Миры прихожу раньше полудня. Она пишет, Лёша разбирает старые конверты, вырезая чистые обороты. На столе лежит записка от человека, который собирался нанять меня на короткий спор о поручительстве. Вчера Мира успела предложить нас его поверенному, сегодня поверенный извинился: клиента приняли в «Белой перчатке» на общих условиях дома, дешевле отдельного найма.

— Он знал о моей встрече? — спрашиваю я.

— Не думаю. У него уже два человека из семьи пользуются конторой. Им предложили включить третье дело в тот же счёт. Мы с отдельным допуском столько снять не можем.

Я беру записку. Поверенный написал аккуратно, даже поблагодарил за потраченное время. Мне остаётся вернуть

лист и не искать в каждой вежливой строке руку графа. На этом заказе рассчитывал заработать двести сорок до расходов. Теперь их нет ещё до того, как я от чего-либо отказался.

Мира заканчивает письмо, убирает перо. Я кладу рядом договор Ремезова. Неподписанный.

— Не возьму, — говорю. — Ни клинок, ни содержание. Ответите за меня?

Мира уточняет, отказываюсь ли я от нынешнего текста или вообще от исключительного представительства. Отвечаю: от второго. Один понятный выход без привязки могу рассмотреть. Она записывает эту оговорку рядом с моими словами.

— Причину указывать?

— Предпочитаю выбирать назначения без ограничения числа отказов.

Мира читает ответ вслух. Подписываю, Лёша сам достаёт копию для отметки. Мне хочется, чтобы после подписи стало легче. Вместо этого отчётливо вспоминается футляр у графского окна. Возвращаю перо в стакан.

— Спасибо, что не убеждали, — говорю Мире.

Она складывает своё письмо, проверяет адрес. Я уже думаю, что не слышала, когда она отвечает:

— Убеждала бы, если бы вы не поняли условия. Вы поняли. Я не хочу работать с человеком, который потом станет считать меня виноватой в его бедности.

Я готов возразить, что не стал бы её винить, но вспоми-

наю вчерашний трамвай. Основания у неё были. Сажусь обратно, спрашиваю о следующих заказах. Мира достаёт приглашение, полученное сегодня утром.

Поверенный Льва Мартынова, состоятельного попечителя учебного двора, ищет бойца для закрытого разбирательства с другой группой попечителей. Четыреста восемьдесят рублей, присутствуют приглашённые от нескольких домов. Представитель противной стороны — Кирилл Арден.

Я поднимаю глаза. Имя знаю. Третья ступень, младшая ветвь дома, хорошая работа без привычки выставлять родовой знак на каждом свободном месте. Дрался при мне один раз, несколько лет назад, и тогда я заметил главным образом, как быстро он перестал повторять неудачную попытку. Сейчас это кажется более серьёзным достоинством, чем прежде.

— Почему мы? — спрашиваю я.

— Мартынову предложили представителя Ремезова. Он отказался. У другой группы попечителей с конторой отдельные дела, ему это не понравилось. Его поверенный запросил свободных, у вас вторая победа как раз попала в выпуск.

Я касаюсь уголка вчерашней газеты, которую Мира так и не убрала. Справка о прошлом лежит в том же столбце, что счёт. Поверенный её тоже видел. Мира подтверждает: видел, поэтому и спрашивал о точных пределах допуска. Она ответила по документам, никаких объяснений за меня не выдумывала.

— И что он сказал?

— Попросил встречу. Не обещал заказ. Завтра после полудня.

К приглашению приколот небольшой конверт. Мира снимает скрепку и передаёт мне: это от Ардена, для того, кто примет предложение. Внутри один лист. Кирилл подтверждает согласие на бой до трёх касаний, исключает смертельные условия и просит не связывать ставку с увечьем или будущими обязательными выходами проигравшего. Секунданты обоих участников сохраняют право остановки. Внизу приписка другим нажимом пера: среди гостей будут два члена комиссии Кубка и старший секундант дома Ланских, которому он готов представить соперника после поединка независимо от счёта.

Я читаю приписку повторно. Рекомендации мне никто не обещает, и всё-таки это уже люди, перед которыми стоит показать приличную работу. Складываю лист по прежним сгибам, возвращаю Мире для копии и прошу назначить встречу. До завтрашнего разговора нужно узнать, что Мартынов на самом деле защищает, а к Ардену не выходить с одним удачным шагом на все случаи. Локоть ноет, когда я подтягиваю к себе папку; на этот раз не прячу руку под стол, а спрашиваю, во сколько сегодня можно показаться медицинскому помощнику.

Глава 5. Человек по ту сторону

У калитки учебного двора я уступаю дорогу двум девочкам с длинным свёртком. Передняя пятится, задняя ничего не видит за торчащим краем, и обе уверены, что сейчас всем управляет другая. Из мешковины выглядывает деревянная стопа. Я придерживаю калитку левой рукой, пропускаю свёрток и получаю по голени пяткой учебного манекена. Девочки замирают, потом старшая говорит, что он сам. По её лицу видно: объяснение уже помогало, и не раз.

— Передайте ему, что в следующий раз отвечу, — говорю я. — Где у вас распорядитель?

Младшая кивает за плечо. Девочки уносят манекен, споря, кто должен был предупредить, что здесь человек. Я остаюсь у калитки, растирая голень носком другого сапога. Никакого жара от дерева не было. Получить по ноге всё равно удалось.

Мира подходит от трамвайной остановки с коробкой под мышкой. На мой взгляд отвечает, что это запасная разметка, а не пирог, и сразу спрашивает про локоть. Вчерашний медицинский помощник проверил руку ещё раз, заставил потянуть за ремень и остался доволен больше, чем я: два рубля за то, чтобы снова услышать запрет на сильный удар. Сегодня разрешены движения без нагрузки; завтра, если перестанет отзываться, можно понемногу работать деревом. Пе-

ред самым боем — ещё один осмотр. Под рубашкой остаётся жёлтое пятно, но чашку за завтраком я уже поднимал, не думая о нём.

— Отёк меньше, — говорю я. — Всё, что он написал, принёс.

Она читает на ходу. Кроме осмотра, за последние дни ушли деньги на еду и трамвай; утром в кошельке было сто шестнадцать рублей сорок копеек. Я мысленно прибавляю к ним будущие четыреста восемьдесят и останавливаю себя. За этот бой пока даже не знаю, что именно должен выиграть.

Учебный двор занимает бывший сад между двумя длинными домами. Под деревьями стоят скамьи, на открытом месте размечен круг, а к торцу дальнего дома пристроена крытая дорожка. Изнутри слышны шаги и голос женщины, которая требует не выставлять локти за спины соседей. Она говорит спокойно; потом что-то падает, и спокойствие кончается. На стене у входа висят часы занятий. Поверх старых цифр приклеены новые, но нижний угол бумаги отогнулся, и из-под семи часов снова показываются шесть.

Распорядитель находит нас сам. Невысокий, с широким мокрым пятном на спине, он несёт поднос стаканов. Мира отодвигает с дороги пустую коробку. Я подбираю упавшую пробку. Он благодарит, называет себя Матвеем Ивановичем и ведёт нас к кругу.

— Ваш круг послезавтра свободен с полудня, — говорит он. — Сам выход в два. Только возле третьего дерева не

ставьте секунданта: там корень, за него постоянно цепляют каблуком.

Мира сразу идёт посмотреть. Я остаюсь с распорядителем у круга, провожу носком по гравию за чертой. Внутри утоптанная мелкая крошка, местами проступает плотная земля. После дождя будет скользко; сегодня сухо, и подошва держит. До деревьев достаточно далеко. Низкое солнце придёт со стороны дома, но в два часа оно ещё над крышей. Я прохожу от отметки к отметке, разворачиваюсь, пробую боковой шаг. Из ближнего дома выходит мужчина в светлой рубашке с двумя масками под мышкой. Кирилла Ардена узнаю сразу, хотя встречались мы давно и тогда он не носил усов. Он замечает меня, сворачивает с дорожки через траву.

— Арсений Ильич? Здравствуйте. Я надеялся увидеть вас до выхода.

Он протягивает руку и успевает посмотреть на мою, прежде чем сжимает пальцы. Хват обычный. Ни проверки, ни попытки показать, что заметил ушиб. Вблизи Кирилл меньше, чем остался в памяти: тогда я смотрел на него из учебного круга, где он всё время сердился на собственные ноги. Сейчас стоит свободно, вес не выдаёт. Маски держит за ремни, не давая им стукаться друг о друга.

Мира возвращается от дерева, знакомится с ним, показывает на корень. Арден предлагает переставить соседнюю скамью. Матвей Иванович зовёт двух учеников, и те смотрят на Кирилла так, как смотрят на человека, чьё замечание потом

можно повторить товарищам.

— Преподаёте здесь? — спрашиваю я, когда скамью уносят.

— По средам помогаю. Сегодня попросили заменить заболевшего. Основной преподаватель у них лучше меня: я слишком быстро начинаю требовать то, чему ещё не научил.

— Несколько движений без жара? — предлагает он, поворачивая ко мне маску. — Если рука позволяет. Мне любопытно, осталось ли у вас то неприятное касание снизу.

Я смотрю на стойку с деревянными клинками. Мира разворачивает врачебный лист нужной строкой наружу.

— Ногами, рукой без давления, — говорю я. — Мне сегодня разрешили.

— Тогда на касание, без отбива. Если сблизились, сразу расходимся.

Он сам выбирает короткое учебное дерево, чтобы не искушать меня дальним выпадом. Надеваем защиту. Я поправляю ремень маски у затылка, прохожу пальцами по рукояти. Дерево тёплое от чужой ладони. Мира остаётся сбоку, в трёх шагах; под ногами у неё больше нет корня. Кирилл дожидается моего кивка и начинает двигаться.

Первый вход я пропускаю нарочно, желая посмотреть, куда он уйдёт после него. Арден достаёт до груди, касается мягко и сразу убирает руку. Я отступаю, он ждёт. Никакой формы; только плечо, кисть, передняя стопа. Всё видно. Оттого особенно неприятно, что на следующем движении я успеваю

закрыть грудь, а он касается края маски. Я заметил подъём руки, но принял его за начало возвращения.

— Два, — говорит Кирилл, поднимая дерево вертикально. — Или первое было знакомством?

— Первое было дурной привычкой. Считайте.

Я сближаюсь сам, не позволяя ему выбирать удобное расстояние. Он сдвигает носок, ожидая входа по прямой; я захожу левее, едва вынося руку, и достаю до нагрудника под локтем. Лёгкий стук дерева слышен через маску. Арден прекращает движение, смотрит вниз и усмехается.

— Осталось. Помню теперь.

— Я долго на нём зарабатывал. Жалко выбрасывать.

На следующем движении он уже не поднимает локоть, не отступает в прежнюю сторону. Я ставлю ногу глубже, собираясь задержать его на обратном шаге, но Кирилл остаётся рядом. Спокойно касается моего плеча и ждёт, пока я перестану смотреть туда, где только что собирался его поймать.

— Довольно, — говорит Мира.

Рука не болит, но я уже забыл, что договаривались на несколько движений. Кирилл снимает маску, помогает освободить ремень моей из пряжки защиты. Из дома его зовёт пожилая женщина, держа за плечи ученика с перекошенным нагрудником.

— Это мой недосмотр, — говорит Кирилл. — Отпустил, не проверив. До послезавтра. И насчёт гостей — я вас представлю, как обещал, но разговор о рекомендации лучше ве-

сти самим. Там люди, которые не любят, когда за них зараннее соглашаются.

Он уходит к женщине, приседает перед учеником и перевдевает ремень. Парень оправдывается; Кирилл просит показать, как он собирался поднимать руку. Нагрудник тут же съезжает к подбородку.

— Что скажете? — спрашивает Мира, когда я возвращаю дерево на стойку.

— Хорошо двигается. Не столько быстрее меня, сколько раньше перестаёт делать ненужное.

— А вы сколько раз ждали от него предупреждения?

Я поправляю маску, которую уже незачем поправлять. Без жара ничего слышать нельзя, это я знаю давно. И всё же дважды начал оценивать движение лишь после того, как привычное чувство ничего мне не сказало. У Ардена не было тайного преимущества: он просто шёл вперёд, а я на миг запаздывал с разрешением самому себе защищаться.

— На настоящем выходе он будет с формой, — говорю я. Мира берёт маску у меня из рук и кладёт рядом со второй.

— Я спросила про вас.

— Дважды. Может быть, трижды. К вечеру разберу.

Она не требует обещания. До встречи с Мартыновым ещё час, и мы идём в здешнюю столовую. За гречкой с мясом я замечаю, как много здесь взрослых: рабочие в блузах, женщина с канцелярскими чернилами на пальцах. Пришли к обеденному перерыву. У окна спорят, можно ли будет успе-

вать, если вечернюю группу опять перенесут.

Мира слышит это тоже. Спрашивает у женщины с чернильными пальцами, давно ли меняют часы. Та сначала отвечает неохотно, потом откладывает ложку.

— Третий раз с осени. Я до шести на службе. Пока доберусь, пока переоденусь — что от занятия? Мне говорят: приходите утром. Хорошо. Казначейство тоже попросить утром подождать?

Сосед напоминает, что зимой в зале было холодно. Женщина подбирает хлебом подливу: теперь тепло в те часы, когда она не может прийти. Я собираюсь спросить, кто предложил расписание, но Мира касается моего сапога под столом. У женщины кончается перерыв, а мы ещё успеем узнать это у Мартынова.

Лев Мартынов встречает нас в соседнем доме. Поднимается из-за стола, придерживаясь за кресло. Левая нога у него в жёстком сапоге с застёжками. Он замечает мой взгляд и объясняет, что лестница дома оказалась крепче его лодыжки.

— Поэтому за меня дерётесь вы, — говорит Мартынов, опускаясь обратно. — Хотя и со здоровой ногой я бы предпочёл то же самое. Чаю?

Мира соглашается на чай. Мартынов просит секретаря оставить нас, передвигает к краю стола печенье и показывает условия. Сразу начинает с предмета поручения, позволяя чаю остыть.

— Мне нужно сохранить нынешний порядок занятий до следующего общего собрания. Конец учебного года, двадцать восьмое августа. В случае победы другая сторона отказывается требовать досрочного изменения расписания и возвращения занятого времени. В случае поражения я освобождаю два вечера и возмещаю из своего кармана возврат платы тем, кому придётся отменить индивидуальные занятия. Это здесь, на второй странице.

Он пишет на полях часы: вторник, четверг, с шести до девяти. Я вспоминаю женщину из столовой, которая к шести только выходит из казначейства.

— Кого передвинули? — спрашивает Мира.

— Две взрослые группы. Одну предложили в семь утра, другую в три пополудни. С преподавателем договорились. Он получает столько же.

— А люди?

Мартынов берёт чашку, морщится от горячего края и ставит обратно, не отпив.

— Часть смогла. Часть — нет. Поэтому мы разговариваем о поединке.

Индивидуальные занятия идут по повышенной цене. Взрослые группы платят меньше. Я представляю, как людям после службы предлагают начинать день ещё раньше, пока удобные часы достаются тем, кто может платить.

— Почему нельзя оставить им эти два вечера? — спрашиваю я.

Мартынов вытягивает из-под папки толстую тетрадь. Возле некоторых цифр старые следы от пальцев. Он открывает закладку и подаёт тетрадь Мире.

— Зимой здесь остановили отопление на одиннадцать дней. Кровля текла ещё дольше. Я оплатил котёл, работы на крыше и жалованье за месяц, когда двор почти не получал взносов. Из других попечителей деньгами тогда помогли двое. Остальные помогали советами. У нас есть договорённость: заём возвращают из дохода платных занятий. Ближайшие восемь недель возвращать нечего, если два вечера уйдут обратно в общую сетку. Жалованье и уголь я второй раз авансировать не намерен.

Мира читает записи. На подоконнике фотография: Мартынов моложе, вокруг дети в тёмных жилетах. Он замечает мой взгляд.

— Мой сын здесь учился. Теперь служит на севере. Двор мне дорог, господин Клинец. Но содержать его единолично я не подписывался.

— Другая сторона оспаривает долг? — спрашивает Мира.

— Нет. Оспаривают моё право распоряжаться лучшими часами. Госпожа Ланская считает, что я обязан был заранее согласовать каждый перенос с собранием. Я считаю, что утверждённая смета и право обеспечить её исполнение это уже позволяют.

Мира уточняет: Елизавета Григорьевна Ланская возглавляет другую группу попечителей. Её старший секундант бу-

дет среди гостей, в состав арбитража не входит. Арден представляет её сторону по отдельному соглашению.

— Почему не разобрать полномочия обычным порядком?

— спрашиваю я. — Если там написано достаточно ясно.

— Потому что написано недостаточно ясно. Мы получили два разных толкования. До конца учебного года можно спорить, кто имел право назначить собрание и сколько подписей требовалось для переноса. Обе стороны согласились уступить по исходу поединка. Кровью никто долги не списывает. Если проиграю, заём останется, расписание изменится.

Мира просит согласие Ланской. На отдельном листе оговорён срок до конца августа, после которого собрание вправе вернуться к вопросу. Мартынов не получит двор или учеников. Женщина из столовой всё равно останется без вечерней группы, если я выиграю; зимний котёл от моего сочувствия тоже не появится бесплатно.

— Вы получаете что-нибудь кроме возврата денег? — спрашиваю я.

Мартынов убирает палец с полей тетради. До этого он держал нужную строку открытой.

— За управление платными занятиями — да. Установленную долю дохода. Двенадцать процентов. Я трачу на это время, секретарь ведёт записи, отмены, расчёты с преподавателями.

— Об этом вы не сказали.

— Вы спросили о займе.

Я смотрю на него, он на меня. Мира оставляет перо над листом, позволяя нам самим решить, будет ли сейчас громкий разговор. Мартынов первым отводит глаза к тетради и поворачивает её так, чтобы мы видели следующую страницу.

— Согласен. Следовало сказать сразу. Не только спасаю двор от расходов. Получаю деньги за его работу. Это не тайная доля, в отчёте она есть.

Удобного ответа нет. Мартынов оплатил чужой котёл, берёт за хлопоты двенадцать процентов и защищает хорошие вечерние часы от людей, вынужденных работать днём.

— Возврат денег взрослым за пропущенные занятия? — спрашиваю я.

— Предлагаем с момента переноса. Не все взяли.

— Если они за лето уйдут, осенью группа сама не соберётся.

— Знаю. Госпожа Ланская напоминает мне об этом почти теми же словами. Предлагал субботу, она говорит, что часть людей работает по субботам. Продлить вечер преподаватель не может: после девяти у него свои ученики. Если найдёте свободного квалифицированного человека за наши деньги, спор станет короче.

Я едва не предлагаю Корецкого. Его расписание видел: заставлю только оправдываться, почему не готов работать дешевле. Мира просит десять минут без хозяина. Мартынов с трудом поднимается, берёт трость и выходит.

— Неприятный? — спрашивает Мира.

— Местами. Что у вас?

— Предмет ограничен. Расходы, полномочия, согласие есть. Четыреста восемьдесят за выход, не за победу. Из них шестьдесят шесть обязательных расходов, моя доля шестьдесят два рубля десять копеек. Вам триста пятьдесят один девяносто. Если допуск не дадут по здоровью до выхода, возврат за вычетом фактически оплаченных сборов. После начала медицинская остановка на гонорар не влияет.

Я считаю без бумаги. Мира показывает строку: требования заказчика в ходе боя не меняют полномочия секунданта. Она уже напечатана, за неё не пришлось торговаться.

— За Ардена столько же? — спрашиваю я.

— Мы не знаем. И это не определяет вашу цену.

— Я про другое. Выиграю — люди останутся без двух вечеров. Проиграю — он останется с расходами и будет сокращать что-то ещё. Хорошую сторону мы сегодня не нашли.

— Мы нашли две стороны, которые сами выбрали условия. Вы можете счесть их неприемлемыми. Только назвать одного из них обманщиком я вам не помогу: у меня нет для этого оснований.

За дверью Мартынов диктует секретарю письмо, дважды просит заменить слишком резкое слово. Мне нужны деньги и знакомство с людьми, которые могут поговорить о Кубке. Это очень мешает разглядывать условия без спешки. Я ещё раз перечитываю согласие сторон, затем возвращаю лист Мире.

— Берём, — говорю я. — Копию полного предмета и согласия сторон мне тоже. Не только лист с моими обязанностями.

Вернувшегося Мартынова прошу подтвердить: после результата у проигравших останется право внести новое предложение в августе. Он подтверждает. Мы подписываем бумаги, он передаёт Мире половину гонорара и зовёт секретаря насчёт копий. У двери помогаю отодвинуть кресло, за которое зацепился его больной сапог. Хозяин благодарит кивком, продолжая разговор с секретарём.

У калитки Мира прячет аванс во внутренний карман. Моего гонорара хватило бы нескольким людям на месяцы занятий. И всё-таки это деньги за мою руку, за допуск, за возможность проиграть, не переложив результат на кого-то ещё. Я слишком хорошо помню утренние касания Ардена, чтобы считать их лёгкими.

Наутро Данила приносит в зал свёрток, из которого торчит красная тесёмка. Я сперва думаю, что снова новая защита, но он вытряхивает на скамью бумаги и аккуратно придавливает их сапогом. Сапог теперь разутый: парень пришёл раньше меня, успел поработать и успел понять, что я могу уйти на дорожку, прежде чем он решится заговорить. На нём старая рубашка, возле воротника тёмная полоса пота. Корец-

кий занят с парой у окна, мне до оплаченного часа ещё двадцать минут.

— Ты же сам говорил получить цену, — начинает Данила, вынимая из-под подошвы небольшой лист. — Вот. Восемнадцать рублей. Не полсотни, не сто. Обычные хорошие сапоги.

Я отвечаю, что хорошо, раз теперь знает цену. Парень ждал возражения; без него становится неловко. Он поворачивает ко мне остальную пачку.

— Просмотр прошёл. Предлагают двести сорок сразу. Не на сапоги. Деньгами. И занятия у их преподавателя три раза в неделю. Новый проводник, защита, все допуски через них.

Я сажусь рядом. Данила немного отодвигается, освобождая место, хотя его и так достаточно. На верхнем листе условия аванса. Под ним договор исключительного представительства на год. Выходов заранее не обещают, но первые назначения оплачивают по установленной сетке; покупные вещи и часть подготовки оплачиваются отдельно. Тот же механизм, который мне объяснял граф, только суммы меньше и ученик уверен, что всё быстро вернёт.

— Куда двести сорок? — спрашиваю я.

— Матери шестьдесят отдам. За комнату заплачу вперёд. Долг верну. Остальное оставляю, чтобы не бегать между работой и залом. Я в прошлый раз после разгрузки пришёл, пальцы разжать не мог. Ты мне говорил держать рукоять свободнее. Чем свободнее, если её вообще не чувствуешь?

Я помню, как легко далась мне та реплика. Данила показывает натёртые ладони. Хочу спросить, почему не сказал, и понимаю, что он не обязан рассказывать мне про каждый ящик.

— Когда возвращать аванс? — спрашиваю вместо этого.

— По выходам. Часть от каждого. Если уйду раньше, остаток деньгами. Я не собираюсь уходить раньше.

— Ты ещё не пришёл туда.

— Ну вот. Я знал, что начнётся.

Он тянется за пачкой. Я убираю руку, позволяю взять. Данила поднимает документы и снова опускает на колени: без моего сопротивления спор совсем не так удобен.

— Там написано, сколько стоит проводник? — спрашиваю я.

Он перелистывает до приложения. Двести восемьдесят рублей, в пользование, обычный износ покрывает контора. При прекращении договора исправный предмет возвращается, остаток цены не становится долгом автоматически. Я читаю дважды. Хорошо составлено. Предполагать, что обязательно обманут, легко; показать здесь обман не получается.

— А это? — Я указываю на оплаченные конторой дополнительные часы.

— Подготовка. Если раньше уйду, тоже часть верну. По месяцам меньше становится.

— Значит, долг на начало не двести сорок. Ещё подготовка. Сапоги, если оставишь. Возможно, другие вещи, которые

возьмёшь потом. Ты это посчитал?

Данила мнёт угол листа, глядит на дорожку. Говорит сумму. Сбивается на цене защиты, начинает заново и раздражённо выдыхает. Я не поправляю. Жду, пока он сам отделит предмет, который должен вернуть, от денег, которые потратит и будет должен. На третий раз получается. Лицо становится серьёзнее, но решение не меняется.

— Посчитал теперь. За год отобью.

— Если будут выходы. Если сможешь их брать. Если первые деньги не уйдут на то, чего здесь ещё нет.

— А если я здесь останусь, что будет? — Он смотрит мне прямо в лицо. — Корецкий час подарит? Ты мне договор найдёшь? Я не клянчу. Просто скажи, где лучше. У тебя два боя, про тебя газета пишет. Ко мне пришли первый раз, и ты сразу объясняешь, что я не понимаю.

Я отвожу взгляд на его сапоги. Подошвы чистые даже там, где остаётся грязь после первого дня: он тщательно вымыл их перед залом. Очень хочется ответить резко, что два боя не делают жизнь устроенной. Это правда, и она ничего ему не даст. Он видел, как я держал руку после Гранова; ему не нужно ещё раз доказывать, что мне тоже трудно.

— Другого заказчика сейчас не предложу, — говорю я. — И двести сорок у меня для тебя нет. От этого этот договор не становится безопаснее. Но я понимаю, зачем ты за него держишься.

Данила опускает глаза. Несколько мгновений молчит, по-

том тихо говорит, что мать больше не верит в его занятия. Не ругает, не запрещает — просто перестала спрашивать, когда у него следующий выход. Сначала это казалось удобным. Теперь он замечает, как она не поднимает головы, когда он приходит с клинком. С деньгами будет иначе. Он сам слышит, как это прозвучало, и торопливо добавляет, что не ради одного этого подписывает.

Я прошу показать пункт про медицинский запрет. Он находит быстро: решение врача освобождает от назначений до повторного допуска. Деньги за неслучившийся выход не начисляются. У конторы свой врач, но право на независимый осмотр сохранено за счёт бойца.

— Оставь на отдельный осмотр, — говорю я. — Не все деньги матери, за комнату и долги. Чтобы мог пойти к человеку, которому не платят за то, чтобы ты вышел.

— Их врач обязан врать, потому что он их?

— Нет. И тебя я не прошу заранее считать его лжецом. Прошу иметь выбор, если не согласишься.

Данила проводит ногтем под строкой и спрашивает, сколько отложить. Последний осмотр стоил два рубля, но серьёзное повреждение так не оценишь. Предлагаю дожидаться Миры: она подойдёт после моего занятия. Парень качает головой.

— Мне к двенадцати надо. Я уже обещал.

— Подпись или встреча?

Он смотрит на меня сердито, но отвечает: встреча. Я

протягиваю ему документы. Предлагаю попросить копию на день, а не доказывать свой характер скоростью подписи. Данила собирает листы, обвязывает красной тесёмкой слишком туго; край верхнего начинает рваться. Парень ослабляет узел и долго выводит обе петли одной длины.

— Ты сам богатому человеку послезавтра помогаешь, — говорит он, не глядя. — А мне объясняешь про осторожность.

— Завтра. И именно потому, что завтра, сегодня должен её объяснять хотя бы кому-то.

Он наконец усмехается. Улыбка маленькая, сердитая, но напряжение уходит из плеч. Обещания дождаться Миры я не получаю. Данила уносит свёрток, надев новые сапоги; старые остались в мешке у стойки. Я смотрю ему вслед и слышу, как Корецкий зовёт меня на дорожку. Оплаченный час уже начался. Впервые за утро я не рад возможности взять клинок.

Учитель начинает с локтя. Сгибаю, разгибаю, медленно провожу деревом перед собой. Сильных ударов сегодня ещё не будет. Рассказываю про Ардена: близко не пускать, на первый подъём кисти не бросаться, после касания не задерживаться. Корецкий просит показать ногами, как я собираюсь не пускать.

Он наступает обычным шагом. Я смещаюсь, сохраняя расстояние. Ещё шаг — я снова ухожу. На третьем сзади оказывается стена. Ефим Павлович не касается меня даже ладонью; останавливается и ждёт, пока я сам поверну голову.

— В круге места больше, — говорю я.

— Ходи дольше. Потом что?

Приходится входить навстречу. На второй пробе удаётся пройти мимо его плеча, на следующей он разворачивается вместе со мной, и рука с деревом оказывается прижатой между нами. Мы начинаем снова. Локоть не беспокоит, но я чувствую, как стараюсь двигать правым плечом осторожнее. Учитель замечает и велит опустить оружие. Остаток времени работаем шагом, с пустой рукой: сближение, поворот, выход туда, где не окажется чужая нога. Жара нет ни у него, ни у меня.

Мира приходит, когда я уже снимаю защиту. Рассказывает, что ответ графу вручили: Лёша принёс копию с отметкой. На прямое предложение постоянной службы больше отвечать не надо. Я спрашиваю про Данилу. Она ещё не видела его, а контора по телефону чужие назначения ей не сообщает. Приходится признаться, что парень показывал бумаги мне. Мира слушает, не прерывая, и только после последней фразы спрашивает, предложил ли я ему принести копию после подписи, если не успеет до. Не предложил. Мне казалось, что всё важное надо решить до двенадцати.

— Тогда я сама скажу, когда увижу. Подписанный договор тоже можно читать, — отвечает она, беря со скамьи мою защиту. — Теперь про ваш. Арден будет сегодня в учебном дворе в пять. Разрешил посмотреть окончание занятия. Дальше — домой, ужин и отдых. Утренний осмотр в восемь,

чтобы успеть предупредить заказчика, если понадобится.

К вечеру Корецкий едет с нами в учебный двор. По дороге я спрашиваю, как он сам дрался с мастерами ложного ритма. Ефим Павлович велит смотреть под ноги: я едва не вхожу в лужу у остановки. Потом отвечает, что сначала плохо. Когда перестаю ждать продолжения, добавляет:

— Ты думаешь, он должен сначала тебя обмануть. А он сначала увидит, чему ты веришь.

У крытой дорожки Арден занимается со своим секундантом. Мужчину зовут Савва Никитич; фамилию слышу, когда он представляется Мире, — Орлов. Короткая седая борода, широкая переносица, на левой руке не хватает мизинца. Он сам держит учебный клинок, а Кирилл работает сталью с защитным наконечником. Оба в нагрудниках. Они уже устали, это видно по мокрым воротам, но после нашего появления не начинают двигаться красивее.

Кирилл кивает нам и возвращается к упражнению. На первом движении жар собирается у его гарды, коротко напрыгается перед переходом. Я чувствую это в зубах — знакомый ясный толчок. Рука Ардена идёт вверх, клинок освобождается из-под дерева секунданта и касается верхней разметки. Савва Никитич произносит замечание про колено; я не слышу точных слов. Они повторяют. Тот же переход, тот же подъём руки. На этот раз секундант успевает закрыть верх.

Я подаюсь вперёд, когда Кирилл снова собирает форму.

До него немногим больше трёх метров; слышу отлично. Напряжение повторяется, и я уже смотрю на плечо, ожидая подъёма. Рука идёт вниз. Арден касается нижнего края нагрудника, не ускоряясь после перестройки. Я остаюсь с открытым ртом, а Корецкий негромко спрашивает, куда я посмотрел.

— Видел, — отвечаю я слишком быстро.

— Не это спросил.

Савва Никитич переставляет стопы. Следующий обмен начинается с такого же напряжения возле гарды, но Кирилл вовсе не атакует: сдвигается в сторону, пропуская дерево. Я различаю начало формы, затем её переход в рабочее состояние. Направления в этом нет. Я сам привык добавлять его по руке, плечу, прежним движениям человека. Арден оставляет первую часть привычной и меняет то, что идёт следом. На расстоянии зрителя всё очевидно, только голова дважды успела повернуться не туда.

Он прекращает работу через несколько повторов. Снимает наконечник, протирает сталь, пока секундант складывает защиту. Я спрашиваю, всегда ли у него переход начинается у гарды. Кирилл смотрит на меня внимательнее, чем вчера, затем поворачивает клинок боком.

— Нет. Но так легче оставить руку свободной до последнего. Дальше могу поднять, могу опустить. Вы ведь тоже перед входом показываете больше одного намерения.

— Показываю. Не всегда успеваю отказаться от лишнего.

— Я тоже. Савва Никитич сегодня достал меня четыре раза. Он считает, что пять, но один пришёлся в ремень.

Секундант, не поднимая головы, говорит, что ремень был на нагруднике, а не где-нибудь на стене. Арден улыбается, не спорит. Мне хочется попросить ещё один обмен, самому стать перед ним и проверить, сумею ли смотреть на кисть после знакомого толчка. Я чувствую, как правая ладонь уже ищет привычную рукоять на поясе. Мира стоит рядом, Кореецкий смотрит на часы. Я отпускаю ремень ножен.

У калитки учитель требует назвать первый шаг завтрашнего боя. Я отвечаю: не уходить прямо назад, не торопить руку, смотреть на движение после перестройки. Он просит выбрать что-нибудь одно, что действительно успею вспомнить. Мы идём до остановки, обсуждая, в какой момент я могу сблизиться без погони за чужой формой. Несколько раз получается убедительно. Потом Ефим Павлович спрашивает, что я сделаю, если Арден заметит мой выбор и оставит клинок внизу. Убедительность кончается.

В трамвае Мира садится рядом, потому что свободны оба места. Она не спрашивает, уверен ли я. Я сам говорю, что попробую начать обычным движением и вынудить его первым определиться с рукой. Мира смотрит на меня, потом на грязную полосу у края моего сапога: всё-таки задел лужу, хотя меня предупредили. До нашей остановки остаётся немного, и я мысленно повторяю увиденное. Толчок у гарды, подъём. Такой же толчок, клинок внизу. Я каждый раз успеваю объ-

яснить разницу уже после касания; завтра придётся успеть раньше, и готового способа у меня пока нет.

Глава 6. Первое поражение

Варвара Гавриловна ставит передо мной тарелку и отодвигает клинок, который мешает разместить хлеб. Утром я принёс оружие к столу, сам не заметив как; ножны лежат рядом с солонкой, словно в чайной давно полагается проверять проходимость перед завтраком. Хозяйка смотрит на меня поверх очков. Я убираю клинок под лавку, начинаю есть и обнаруживаю, что каша уже почти остыла, хотя до этого мне казалось, будто я сел только что.

— На осмотр опоздаете, — говорит она. — За окном восемь без четверти.

— Вижу.

— Я и говорю, что видите. А ложка стоит.

Она уходит к плите. Я доедаю, расплачиваюсь и обнаруживаю ключ в собственной ладони. Спал плохо: вспоминал движение Ардена, задремал, дёрнул плечом навстречу воображаемому клинку и снова проснулся. Ночью ничего не придумал. Остаётся привычная работа, которую умею делать с дурной головой.

Помощник открывает с куском хлеба, дожёвывает, моет руки. Снимаю рубашку. Прежний отёк почти исчез. Он ошупывает локоть, просит согнуть руку против лёгкого давления. Не больно. Стараюсь сделать сильнее; он велит не помогать ему поставить допуск.

Он проверяет, слушаются ли пальцы, просит поднять руку в сторону, повернуть плечо. Наконец заполняет допуск. Два рубля за осмотр уже на столе; я протягиваю ещё купюру, и он отодвигает её.

— Волнение? — спрашивает помощник.

— Деньги считать разучился.

— Хорошо, что сегодня не за этим наняли. По ушибу препятствий не вижу. Если снова отзовётся, скажете секунданту. Сильными ударами перед боем не проверяйте: лишней прочности это не прибавит.

У Миры я оказываюсь раньше срока. Она ещё пишет письмо, освобождает мне край стола. Я читаю допуск, хотя уже читал на улице. Ограничение длительной нагрузки моего проводника остаётся прежним. Мира заканчивает, даёт мне воды и предлагает часть пути пройти пешком: я уже дважды вставал со стула без дела. Хочу возразить, но замечаю, что опять стою.

Мы выходим около одиннадцати. До боя ещё три часа; Мира должна проверить разметку, подписи, готовность арбитра. Заходим к Тихону, который вчера вечером просил принести клинок на короткую проверку. Мастер ставит оружие на деревянные опоры, пропускает слабый испытательный импульс через свой прибор и смотрит на тонкую стрелку. Она задерживается на прежнем делении. Он возвращает мне рукоять и просит повторить своим жаром.

На рукояти тепло, не жжение. Тихон поправляет шнур и

ставит отметку в лист обслуживания. Спрашиваю, есть ли смысл сильнее затянуть прокладку.

— Нет. Он вчера был таким же, — отвечает мастер. — Если хочешь проверить, почему страшно, это не ко мне.

Я уже собираюсь огрызнуться, но он продолжает:

— Больше, чем написано, не выдержит. Попробуешь вытянуть лишнее железом — получишь ещё одну задачу к той, что есть.

Я благодарю за проверку. Она входит в оплаченное обслуживание. Тихон возвращается к другой работе, говорит: после боя приходи, посмотрим. Мне легче от того, что он сказал именно «после боя», без добавления про победу.

В учебном дворе передвинуты скамьи, рабочий натягивает ткань над местом гостей. Иду в отведённую комнату. Пахнет мелом и сухими рубашками. У схемы стойки на стене оторван угол: нарисованному бойцу не хватает пятки. Переодеваюсь, кладу сюртук так, чтобы зашитый рукав не оказался под ремнём.

Корецкий приезжает к часу. Делаем короткую разминку. Плечо свободно, локоть не беспокоит. На третьем повторе учитель отбирает дерево: я уже пытаюсь выиграть тренировку.

— Первый обмен не обязан решить весь день. Посмотри на человека.

Мира проверяет нагрудник. Оставляет два пальца под ремнём, просит вдохнуть глубже и спрашивает, что я помню

о её голосе.

— Имя, затем «стой». Отвести оружие. Защищаться можно, отвечать нельзя. Знаю.

— Я тоже знаю, что вы знаете. Посмотрите на меня.

Я поднимаю голову. У неё спокойное лицо, но пальцы неподвижны на краю нагрудника. На мгновение хочется сказать что-нибудь о том, как часто она ждёт от меня неприятностей. Вместо этого киваю. Она заканчивает с ремнями, кладёт знак в открытый футляр у своих вещей и идёт за арбитром.

Круг принимают двое судей. Мира проверяет печать допуска и подписи. Арден напротив, с Саввой Никитичем. Его нагрудник почти такой же, как мой; на клинке тонкая светлая полоса проводника тянется от гарды через рабочую часть. Кирилл поворачивает оружие для проверяющего.

Арбитр читает пределы: три подтверждённых касания, возврат к отметкам после каждого, одновременные не считаются. Удар в запрещённую область разбирается отдельно; намеренный выход после предупреждения отдаёт касание сопернику. Секундант прекращает участие своего бойца голосом и знаком. Это поражение независимо от текущего счёта. Я слушаю всё до конца. Вчера эти слова существовали на бумаге; сейчас Арден стоит в шести шагах и двигает большим пальцем по рукояти, проверяя, удобно ли лёг край перчатки.

Мартынова подводят к навесу. Рядом садится женщина с серебряной брошью, отодвигает стул, чтобы он мог вытянуть

больную ногу. Значит, Ланская. Они обмениваются словами, которых я не слышу. За ними двое гостей со знаками комиссии на лацканах. Перестаю рассматривать публику, когда ловлю себя на желании выбрать, к кому после победы удобнее подойти.

Кирилл поднимает клинок для приветствия. Я отвечаю. Мира стоит на твёрдом месте у черты, Корецкий дальше, возле дорожки. Ставлю левую ногу под привычным углом и замечаю, что сжимаю челюсти. Размыкаю зубы, выдыхаю. Арбитр дожидается тишины и разрешает начинать.

Арден идёт навстречу коротким шагом. Жар на его оружии ровный, поднимается от гарды, остаётся на нижней половине клинка. До меня пока не достаёт. Я отвечаю небольшим смещением влево, не отдавая ему середину. Он поворачивается вместе со мной. Ещё шаг, металл касается металла, и я наконец начинаю видеть вещи по отдельности: рукоять, линия его предплечья, след переднего сапога. Двор с гостями уходит из внимания. Ночью было хуже.

Я отвожу сталь, давая дорогу к груди. Арден переносит вес, проверяет, не собираюсь ли уйти под руку, затем коротко подаёт острие вперёд. Встречаю возле гарды. Чужой жар напрягается, и я едва не поднимаю защиту заранее. Вместо этого отвожу стопу. Арден делает обычный выпад, клинок проходит в ладони от груди. Он возвращается раньше, чем я мог бы достать. Я не прыгаю следом, касаюсь его стали и делаю полшага в сторону.

Его форма меняется с узкого усиления клинка на короткую защиту у кисти. Не одновременно: сначала исчезает давление на моей стали, затем жар уплотняется ближе к руке. В этот промежуток я мог бы ударить. Не успеваю, потому что сам выбрал уход. Знание не пропадает, но сейчас оно мне ни к чему. Кирилл снова поворачивается лицом, я начинаю сближение заново.

На третий раз он увереннее тянется к моему плечу. Я допускаю контакт клинков, укрепляю рабочую кромку только на удар сердца и отвожу его острие наружу. Не давлю дальше, не пытаюсь победить всей рукой. Левая нога уже идёт в сторону; я доворачиваю корпус, и его клинок оказывается возле моей правой стороны, не успев вернуться к груди. Моя сталь касается верхнего края нагрудника.

— Стой. Клинцеву, первое.

Отвожу оружие. Арден смотрит на узкую метку у ключицы, спрашивает арбитра, ясно ли видел. Вопрос не был возражением, но я всё равно напрягаюсь. Кирилл замечает, говорит, что сам почувствовал касание, просто не видел края разметки.

Всё получается. От одного касания слишком легко в это поверить. Смотрю на Миру. Она показывает ладонью вниз: не поднимать плечо на вдохе. Выдыхаю, разжимаю пальцы. Локоть молчит. На другой стороне Кирилл слушает секунданта, поворачивает стопу чуть иначе.

Во втором обмене Арден больше не отдаёт мне контакт

у своей гарды. Держит расстояние, бьёт в металл ближе к острию, заставляя кисть работать дальше от тела. Я отхожу наискось. Он делает ещё один шаг, и у меня появляется знакомое ощущение длинного клинка, хотя оружие у него обычной длины. Просто Кирилл прибавляет ногами ровно столько, сколько я убираю.

Я перестаю пятиться. Когда он в следующий раз касается стали, шагаю навстречу, собираясь вынудить его согнуть руку. Арден уходит в сторону, не сталкивается со мной, и острие оказывается возле моей щеки. Я отвожу голову вместе с плечом. Оно проходит мимо разметки на воротах; судьи молчат. Мы расходимся без очка, но теперь я вижу, куда именно он выбирает выход, когда ему становится тесно.

Следующее сближение начинаю так же. Жар в моей руке есть, Арден чувствует его по контакту, видит движение. Я убираю усиление на первом шаге. Его передняя стопа тормозит: кажется, он учёл ошибку Гранова и не собирается помогать моему обычному шагу своей перестановкой. Я тоже не продолжаю прежнее движение. Останавливаюсь раньше, чем он ожидает, касаюсь его клинка поперёк и заставляю обойти меня с другой стороны.

Я ещё не достал, но его выход стал теснее: справа я, сзади край круга. Кирилл остаётся внутри, разворачивает кисть для короткого ответа. Вижу движение большого пальца. Поднимаю клинок так, чтобы его ответ прошёл под рукой, и достаю до боковой разметки.

— Стой!

Мы замираем слишком близко. Арден держит оружие попережёк, его предплечье почти касается моего. Я отхожу первым, показываю свободной ладонью, что отпускаю контакт. Вторая судья подходит к Кириллу, смотрит на метку, сверяет с арбитром. Пятно на границе, но внутри. Она проводит ногтем вдоль линии, затем убирает руку.

— Второе Клинцеву. Два — ноль.

Кто-то под навесом хлопает. Я уже думаю, как выгляжу со стороны: вторую ступень поставили против третьей, а дорожкой клинок дважды не защитил владельца. Отгоняю мысль, и она возвращается иначе: нужно всего одно касание. Можно позволить себе риск, который при равном счёте был бы неуместен.

Кирилл возвращается без спешки, просит Савву Никитича ослабить ремень у запястья на одну дырку. Не злится на публику, занимается тем, что мешает драться.

— Не добавляйте скорость ради третьего, — говорит Мира, подходя на разрешённые два шага. — Он перестал отдавать вам выход направо.

— Видел.

— Вы уже дважды туда посмотрели.

Арбитр зовёт к отметкам, и ей приходится отойти. Становлюсь на отметку. Кирилл опускает клинок ниже прежнего: между его остриём и моей грудью почти нет стали. Я не беру приглашение. Он делает маленький шаг и ждёт.

У гарды знакомый толчок. Я вижу, как его плечо остаётся на месте, и успеваю не поддаться. Кирилл переводит жар в короткую защиту у кисти, словно готовится встретить мой удар. Я всё ещё жду. Он движется обычным телом, без нового предупреждения, и касается моего клинка снизу. Металл приподнимается, я поправляю защиту, в этот миг его форма снова напрягается.

Первый раз я удержался. Теперь мне кажется, что понимаю порядок: ложная подготовка, обычное движение, настоящее продолжение. Отвожу оружие вверх, собираясь встретить его клинок у плеча. Кирилл остаётся внизу. Скользит вдоль моей стали, едва меняя угол, и ставит метку над поясом. Всё происходит так близко, что я вижу шов на его перчатке и не могу понять, почему рука оказалась совершенно не там, где я уже приготовился её поймать.

— Ардену. Один — два.

На отметке разминаю пальцы. Преимущество остаётся, нужно ещё одно касание. Смотрю на Миру и киваю, словно мы о чём-то договорились, хотя никаких новых слов между нами не было.

Арден теперь не преследует. Отдаёт мне движение вперёд, отвечает ровно настолько, чтобы нельзя было безнаказанно подойти. Форма начинается одинаково. Верх, низ, задержка. Он не скрывает, что делает; напротив, позволяет почувствовать каждое начало. Дважды я не поддаюсь, третий раз чуть дёргаю кисть. Кирилл сразу меняет положение ног. Он уви-

дел то, чему я верю, ещё до того, как я сам решил поверить.

Я пытаюсь вернуться к первому удачному обмену. Сам даю контакт, укрепляю кромку, ухожу плечом в сторону. Его сталь податливо сдвигается. Слишком податливо: Кирилл не возвращает её, а убирает совсем, открывая мне пространство, в которое я уже вложил движение. Моя рука уходит дальше нужного. Чтобы не оставить бок, я разворачиваюсь, но он не бьёт туда. Приходит спереди, к свободной верхней разметке. Острие касается ткани возле груди и сразу отходит.

— Два — два. К отметкам.

Рука тяжёлая, хочется опустить. Опускаю, пока иду к отметке. Беру воду у Миры, глотаю слишком много, кашляю. Она придерживает стакан, не давая мне разлить остаток на защиту.

— Вы возвращаете ему старые ответы, — говорит она. — Он их уже получил.

— Понимаю.

— Тогда перестаньте добавлять силу в то же движение.

После пропущенного уже собирался добавить. Разорвать ему удобное расстояние, не дать времени на одинаковые начала. Всё это обдумываю, пока киваю Мире. Она ждёт ответа словами.

— Попробую сблизиться без погони за его рукой. Если не получится, отойду.

Мира забирает стакан, просит показать локоть. Сгибаю,

разгибаю. Старый ушиб действительно не мешает, и я на мгновение принимаю её спокойствие за согласие со всем остальным.

Арбитр разрешает продолжать. Кирилл стоит чуть боком, клинок низко. Я иду на него, не дожидаясь перемены формы. Он отступает наискось. Я поворачиваюсь следом, сохраняя руку возле тела, чтобы не дать снова увезти её пустым контактом. Форма напрягается. Я не поднимаю защиту заранее. Острие идёт к груди, обычным прямым движением. Приходится встретить.

Наши клинки сходятся близко к гардам. В этом месте я хотел оказаться. Теперь можно уйти мимо его плеча и коснуться коротко, прежде чем он восстановит расстояние. Я начинаю поворот, но Кирилл не держит прежнего давления. Его сталь скользит назад вдоль моей. Рука освобождается слишком рано, а ноги ещё доворачивают корпус. Слышу новое напряжение формы и смотрю вверх, ожидая удара поверх моей гарды.

Он не приходит сверху. Его предплечье остаётся ниже, клинок уже с другой стороны моего. Я могу разойтись, пропустив его мимо правого плеча. Могу убрать руку и принять, что вход не дал касания. Для этого надо отпустить момент, в который только что вложил всё оставшееся желание выиграть. Вместо этого я возвращаю острие поперёк себя, подаю жар в плечо и тяну движение туда, куда корпус больше не поворачивается.

Резко жжёт спереди, под краем нагрудника. Не от чужого клинка. Удар словно пришёл изнутри, короткий, лишивший руку привычной связи с остальным телом. Металл ещё у меня в пальцах, но острие проседает. Я пытаюсь удержать его усилением. Жар отвечает неровно, горячая полоса бежит к локтю, в большом пальце вспыхивает покалывание. Всё ещё можно отойти. Вместо этого я переставляю переднюю ногу, потому что Арден рядом, и мне кажется, что я успею коснуться, прежде чем рука окончательно откажется.

— Арсений, стой!

Белый знак появляется сбоку. Я слышу имя, слышу команду, и клинок на мгновение замирает там, где я его удерживаю. Арден уже убрал своё оружие. Лицо у него изменилось: смотрит не на разметку, а на мою руку. Я хочу сказать, что ещё не закончил, но арбитр повторяет остановку, встаёт между нами и опускает жезл. Жар уходит. Без него плечо сразу тянет сильнее, и я прижимаю локоть к боку, стараясь сделать это незаметно.

— Секундант Клинцева прекратил участие. Победа Ардена остановкой. Последний счёт — два касания каждому.

Слова произнесены негромко, но я слышу их яснее, чем всё, что говорил сегодня до боя. Ещё только что оставалось одно касание. Теперь ничего не осталось делать в круге. Кирилл отступает за черту, а я всё стою, глядя на место, где была его гарда. Мне хочется доказать хотя бы кому-то, что я понял последнее движение. Будто от этого рука снова смо-

жет его закончить.

Мира подходит, протягивает ладонь под мою гарду. Я не отдаю клинок сразу.

— Я мог разойтись, — говорю я. — Ещё движение. Вы видели, у него рука была внизу.

— Видела вашу. Отдайте оружие.

— Нужно было дать мне выйти из контакта. Я бы продолжил.

Она ждёт, не тянет рукоять. Арбитр зовёт секундантов к столу. Я держу Миру здесь с протянутой рукой, будто она должна отнять последний предмет, подтверждающий, кто я. Разжимаю пальцы. Она подхватывает клинок и только после этого смотрит в лицо.

— Вы не расходились. Подали жар ещё раз, когда плечо уже не держало.

— Откуда вам знать, что оно держало?

Фраза выходит громче, чем я хотел. У стола оборачивается женщина-судья. Мира не повышает голоса, и от этого мне хочется сказать ещё что-нибудь, заставить её тоже выглядеть неправой.

— Вы согнулись, рука упала. Потом дёрнулась снова. Этого достаточно. Пройдёмте с круга.

Я иду сам. На третьем шаге хочется поддержать правый локоть левой ладонью, но я не делаю этого, потому что Мира рядом. Она замечает, как я берегу бок, зовёт медицинско-го помощника и отдаёт клинок проверяющему у стола. Он

прикрепляет к ножнам бирку. Пока не осматрят проводник после боя, забрать нельзя. Всё правильно. Сегодня каждое правильное действие почему-то мешает именно мне.

В комнате нагрудник снимают втроём. Корецкий держит нижний край, помощник освобождает ремни, Мира помогает провести ткань через плечо. Я шиплю и злюсь, когда они останавливаются. Хочу, чтобы закончили скорее, хотя любое торопливое движение отдаётся спереди под ключицей. Ушибленный локоть почти не беспокоит. Это новая боль, выше, и от прежней сейчас никакой пользы: я хотя бы знал, что с ней делать.

Помощник велит оставить руку на сложенной ткани, проверяет пальцы, осторожно касается плеча. Просит не поднимать его ради доказательства, что могу. Я уже собирался. Он прижимает прохладный свёрток через полотенце, говорит Корецкому, куда подъехать с экипажем, и называет врача — Ольгу Ветлину. Сегодня принимает недалеко от Коронного круга. С этим плечом сначала к ней, потом домой; из комнаты он не выпустит меня, пока не перестанет ползти неровное покалывание в кисти.

Мира стоит у двери, держа мои вещи. Я отвожу от неё глаза. Она кладёт сюртук на лавку, оставляет его расстёгнутым и говорит, что должна подписать результат. Спрашивает, есть ли у меня заявление о нарушении со стороны Ардена. Я отвечаю: нет. Она ждёт ещё мгновение. Никакого нарушения действительно не было, даже того, на которое можно

сослаться в сердцах.

— Тогда я вернусь с копией, — говорит она.

Когда дверь закрывается, Корецкий подтягивает стул ближе и садится напротив. Не начинает разбор. Я смотрю на него с почти злым ожиданием: кто-то ведь должен сказать, что можно было сделать иначе. Он берёт мой снятый ремень, освобождает застрявший конец из пряжки, складывает вдвое.

— Ну? — не выдерживаю я.

— Что — ну?

— Скажите уже.

— Ты сейчас хочешь разбирать бой или хочешь, чтобы я тоже на Миру рассердился?

Я молчу. Помощник меняет прохладный свёрток, проверяет, чувствую ли ткань большим пальцем. Чувствую. Корецкий не повторяет вопрос, и от этого ответ приходится дать хотя бы себе. Я просил её остановить меня только в тех случаях, когда сам буду согласен. На бумаге подписал другое. В зале вроде бы научился. Сейчас веду себя так, будто наша договорённость действовала до первой неприятной цены.

Стук в дверь спасает от продолжения. Кирилл входит без защиты, с мокрыми волосами у висков. На рубашке тёмный круг под воротом; он тоже устал, и мне становится стыдно от того, какое облегчение это приносит. В руках у него стакан, который он сначала собирается поставить рядом со мной, по-

том замечает уже стоящий и убирает свой на подоконник.

— Я обещал представить вас, — говорит он. — Сегодня отложим. В таком виде вы начнёте ненавидеть людей, которые захотят пожать руку.

— Уже начал.

Кирилл усмехается, но не подходит ближе. Сообщает, что сказал гостям: плечо травмировано, разговор состоится позднее, если они захотят его продолжить. Старший секундант Ланских оставил карточку. Никакой рекомендации на ней нет, только часы приёма. Кирилл кладёт её возле моего сюртука, не пытаясь придать этому значение утешительного приза.

— На втором касании я вас потерял, — говорит он. — Подумал, что снова пойдёте до конца. Вы остановились раньше. Пришлось убирать удобный выход.

— Зато потом я сам всё вернул.

— Дважды. В третий раз начали лучше. Дальше поторопились.

Он произносит это без жалости, и я могу слушать. Спрашиваю, когда заметил, что я реагирую на начало формы. Кирилл отвечает: вчера в упражнении предположил, сегодня убедился. После моего первого очка попробовал повторить одинаковый переход. Я ещё держался, потом стал уходить до движения руки. Никакой особенной тайны он из этого не делал.

Его зовут. Кирилл желает восстановиться и уходит. Мне

нравится человек, который только что лишил меня победы. Лучше бы оказался напыщенным дураком; о таком после поражения нашлось бы что сказать. На Ардена злиться не за что, и я вспоминаю Миру опять.

Мира возвращается с копией результата и уже проверенным клинком. Нарушений в проводниках не нашли. Мой выдержал в пределах заявленной нагрузки; лишний жар я загнал в собственное плечо, металл тут ни при чём. Я пробегаю глазами запись: победа Ардена остановкой секунданта противной стороны, текущий счёт два — два. Не три — два. Кирилл не получил касания за мою травму, но бой выиграл полностью.

— Мартынов сейчас подойдёт, — говорит Мира. — Деньги у его поверенного готовы. После расчёта едем.

Я хочу сказать, что перед остановкой она могла спросить меня. Смотрю на свёрток у плеча и замолкаю. Я бы ответил, что могу продолжать. Она не хуже меня это знает.

Мартынов приходит с поверенным, не садится. Спрашивает помощника, можно ли занять меня на пять минут. Получив согласие, велит передать Мире остаток. Двести сорок рублей. Она пересчитывает у стола, проверяет ведомость расходов. Мартынов смотрит в окно; оттуда слышно, как переставляют стулья, освобождая двор для обычной жизни.

— Жаль, — говорит он наконец. — До двух — ноль я уже начал считать, сколько людей останется в вечерней записи. Зря.

— Я тоже начал считать раньше времени.

Мартынов поворачивается ко мне. Ни утешения, ни желания унизить — раздражение человека, который получил не то, за чем пришёл. Говорит, что завтра сядет с Ланской и преподавателями, попробует перенести платных учеников, готовых согласиться. Это уже его работа.

Мартынов подписывает расписку, предлагает экипаж. Корецкий уже заказал. Хозяин уходит. Ни штрафа за остановку, ни просьбы выйти ещё раз и исправить результат. Я читал договор, знал заранее. Всё равно ждал неприятности и только сейчас замечаю, насколько устал её ждать.

Мира кладёт мою долю в кошелёк — триста пятьдесят один рубль девяносто копеек — и показывает, где он будет лежать во внутреннем кармане сюртука. Я считаю глазами, не прикасаясь. После расходов последних дней, утреннего осмотра и этого расчёта денег стало больше четырёхсот пятидесяти. Почти хороший клинок, если забыть, что впереди врач и какое-то время я вообще не смогу заработать оружием. Мира прячет кошелёк, подаёт мне левый рукав. Правый укладывает свободно поверх повязки, не заставляя просовывать руку.

В экипаже трясёт на каждой выбоине, и я очень быстро перестаю считать его ненужной тратой. Корецкий садится ря-

дом, Мира напротив. Он придерживает мой клинок, чтобы ножны не били по колену, она смотрит на дома, выискивая нужный. По дороге никто не разбирает бой. В повороте меня качает, плечо отзывается, и я наконец подхватываю локоть здоровой ладонью. Мира видит, но не пользуется этим, чтобы снова доказать свою правоту.

У Ветлиной в приёмной пахнет мылом и тёплым полотном. Женщина с перевязанной стопой уступает нам стул у двери, хотя ей самой встать неудобно. Я благодарю, сажусь боком.

Ольга Ветлина выходит сама. Невысокая, волосы собраны без единой свободной пряди; манжеты закатаны выше запястий. Она берёт записку помощника, быстро читает, спрашивает, продолжается ли покалывание. Отвечаю, что почти прошло. Ольга уточняет: совсем или почти. Показываю большим пальцем, где ещё осталось слабое ощущение. Она сразу ведёт меня в кабинет.

Сюртук снимаем легко, рубашка даётся хуже. Мира придерживает ткань, врач направляет руку. Я прошу не резать: рубашек всего две. Ветлина отвечает, что пока никто не предложил резать, и велит перестать дёргать здоровым плечом, помогая неизвестно чему. После этого осматривает обе стороны, сравнивает положение, осторожно ощупывает место, которое я показал. На одном нажатии я задерживаю дыхание. Она убирает пальцы и больше не давит туда для повторной проверки.

— Расскажите движение. Медленно. Рукой показывать не надо.

Я объясняю, как корпус уже повернулся, клинок освобо-
дился раньше ожидаемого, а я стал возвращать его поперёк
себя. Про второй импульс хочется сказать вскользь, но Ми-
ра здесь, и я сам на нём задерживаюсь. Ветлина просит на-
звать, что почувствовал раньше: боль в плече или отдачу в
кисть. Сначала плечо. Потом попытался удержать жаром, то-
гда пошло вниз по руке.

Она проверяет чувствительность пальцев, просит совсем
немного сжать её ладонь. Следит за лицом, а не только за
хватом. Затем ставит возле меня прибор с двумя тонкими
контактами, прикладывает один к предплечью, второй вы-
ше плеча. Никакого жара подавать не велит. Металлическая
стрелка едва движется, но её колебания неравномерны. Я
узнаю похожую вещь по армейской лечебнице и отворачива-
юсь раньше, чем врач успевает заметить.

— Небольшой надрыв передней части дельтовидной
мышцы, по осмотру. Сустав на месте, признаков грубого по-
вреждения сухожилия сейчас не вижу. Окончательно оце-
ним после того, как уляжется реакция. Контур вы перегрузи-
ли уже вслед за травмой. Поэтому кисть отозвалась. Сейчас
проводимость возвращается, но нагрузку этим проверять не
станем.

— Через неделю возможен выход? — спрашиваю я.

Ветлина смотрит на меня, затем берёт чистый лист для

назначений.

— До повторного осмотра никаких тренировок оружием и никакого усиления этой руки. Дальше — по состоянию. Первые дни беречь, затем начнём возвращать движение в разрешённых пределах. Полный покой надолго тоже не нужен, но назначать себе упражнения сегодня вы не будете.

— Даже если боль быстро уменьшится, сегодня разрешения на следующий бой вы не получите. Через два дня повторный осмотр. С него и начнём.

Она накладывает поддерживающую повязку, оставляя кисть свободной, объясняет, при каких изменениях нужно вернуться раньше. Я слушаю без попытки перевести всё в дату нового гонорара. На середине всё равно перевожу и перестаю понимать следующую фразу. Ветлина замечает, просит повторить, что я только что услышал. Повторяю плохо. Она садится напротив, говорит ещё раз, а Мира записывает для меня на отдельном листе.

Короткая процедура снимает неприятную отдачу к пальцам, но плечо остаётся болезненным. Никакого ощущения новой силы. Врач ещё раз проверяет кисть, останавливается на этом и объясняет, что сейчас достаточно. За первый приём с повязкой восемь рублей. Последующее лечение зависит от повторного осмотра, дорогую процедуру просто на всякий случай она назначать не станет. Я прошу Миру достать кошелёк и впервые за день не пытаюсь одновременно сделать это сам.

Корецкий ждёт в приёмной. Узнав ограничение, спрашивает у врача, можно ли мне присутствовать на занятиях, не участвуя. Она отвечает, что стоять и смотреть не запрещает, если я не начну помогать людям больной рукой. Ефим Павлович смотрит на меня с таким выражением, будто отдельное письменное запрещение было бы полезно. Я отвечаю, что услышал. В этот раз услышал действительно.

Остаётся забрать назначения. Мира выходит к расчётному окошку, возвращается через минуту с новым листом. Ветлина хмурится, читает и зовёт помощницу. Та приносит толстую книгу оплат, раскрывает на свежей записи. Они переговариваются; я различаю свою фамилию, сумму и «сегодня в четыре десять». Мне становится холодно в спине, хотя в кабинете душно.

— На ваше имя внесено девяносто шесть рублей в оплату дальнейшего курса, — говорит врач. — Плательщик — контора графа Ремезова. Распорядились зарезервировать время в верхнем отделении. Я этого ещё не назначала.

Помощница подаёт конверт, переданный вместе с оплатой. На плотной бумаге знакомая серебряная ладонь. Мира держит его так, чтобы я мог прочесть, не поднимая правой руки. Внутри короткая записка: граф сожалеет о повреждении, предлагает воспользоваться лучшей доступной помощью; о будущей работе поговорят после восстановления. Никакого требования расписаться в долге. Никакого вопроса, хочу ли я, чтобы он оплачивал мой счёт.

— Эти деньги пока не израсходованы, — уточняет Ветлина. — Сегодняшний приём вы оплатили сами. Прежде чем что-либо делать, я должна понимать, кто мой пациент и о чём он согласился. Счёт не является назначением.

Я смотрю на сумму. Восемь рублей сейчас отдал без большой беды, но впереди дни, в которые придётся тратить и ничего не получать за выходы. У графа есть деньги на то, чтобы я перестал об этом думать. Он даже не прислал человека, перед которым пришлось бы держать лицо: просто оплатил помощь и оставил меня с больной рукой, полной стоимостью лечения и возможностью сказать, что ничего ещё ему не обещал. Я прошу Миру перевернуть квитанцию. На обороте пусто. Она держит бумагу, пока я читаю её заново, словно там со второго раза появится условие, от которого будет легче отказаться.

Глава 7. Работа без оружия

Квитанция лежит под ножами, прижатая тем местом, где кожа протёрлась до светлой основы. Вчера я сунул её туда, чтобы не забыть утром, и теперь вижу раньше, чем успеваю толком открыть глаза. Девяносто шесть рублей за лечение, которого мне не назначали. Ни долга, ни подписи, ни обещания выйти за контору — пока только оплаченные часы в верхнем отделении и записка с предложением поговорить, когда станет легче. Я лежу на спине, прислушиваюсь к правому плечу и пытаюсь устроить руку так, чтобы перестало тянуть. Разница между возможностью отказаться и желанием это сделать оказывается неприятно ощутимой.

На стуле ждёт чистая рубашка. Нижнюю пуговицу я застёгиваю левой рукой, вторую тоже, на третьей ткань собирается складкой и ускользает из пальцев. Приходится наклониться, прижать её подбородком. В таком положении меня и застаёт Варвара, которая стучит уже на пороге: одной рукой придерживает таз, другой — полотенце и полосатый мешочек со свежим бельём.

— Вчера надо было эту надеть, — говорит она, глядя на мои усилия. — У неё петли свободнее.

— Вчера мне было не до выбора.

— Так я про вчера и говорю.

Таз она ставит на табурет, мешочек кладёт на кровать. Я

ещё несколько секунд мучаю пуговицу, хотя после её появления это занятие стало особенно глупым. Варвара ждёт, не предлагая помощь повторно. В конце концов я убираю руку и поворачиваюсь к ней.

— Застегни, пожалуйста.

— Вот. А то сейчас зубами начнёшь.

Она справляется быстро, но у воротника задерживается: поправляет ткань, чтобы шов не давил на повязку. Пахнет от её рук мылом и луком. На кухне уже что-то жарится, в коридоре скрипят половицы под тяжёлой поступью соседа, который каждое утро спешит и каждый вечер возвращается так, будто его вынесли из кареты вместе с креслом. Дом живёт по четверговому распорядку. Только я сижу посреди комнаты и жду, пока мне застегнут рубашку.

— За следующую неделю двенадцать, — напоминаю я.

— Помню.

— Возьми из кошелька. И три за экипажи. Корецкому отдала?

— Вчера вечером, как ты велел. За обе поездки. Он сперва не хотел брать.

— А потом?

— Потом я сказала, что у меня тоже лишних нет.

Она отсчитывает деньги на столе, не развязывая кошелёк шире необходимого. Я смотрю на её пальцы и зачем-то складываю расходы заново, хотя сумма простая. После расчёта с Мартиновым у меня достаточно, чтобы заплатить за ком-

нату, есть и лечиться без графской помощи. Достаточно даже для нескольких неудачных недель. Эту мысль приходится повторить именно сейчас, пока квитанция лежит перед глазами: не потому, что я её не понимаю, а потому, что верхнее отделение обещает избавить от боли раньше.

Варвара замечает бумагу.

— Это лекарское?

— За меня заплатили.

— А ты чего мрачный?

— Потому что не просил.

Она пожимает плечом, потом спохватывается, глянув на мою руку, словно сделала что-то невежливое.

— Мне бы кто за уголь заплатил. Я бы сперва обрадовалась.

— Я тоже сперва обрадовался.

Говорить дальше не хочется. Она и не спрашивает. Поднимает с пола вчерашнюю рубашку, расправляет рукав, проверяет, не порван ли, и уходит, оставив дверь приоткрытой. Через несколько минут зовёт завтракать. Я прячу квитанцию в карман, а клинок остаётся на столе: ножны слишком привычно просятся в руку, и от этого пустое место у левого бедра ощущается ещё до выхода из комнаты.

До лечебницы иду медленно. На первом же перекрёстке ловлю себя на том, что выбираю место у стены, где никто не заденет справа. Раньше я так же пропускал телеги, лошадей и людей с длинными свёртками, не замечая собственных

движений. Сейчас замечаю каждое. У булочной мальчишка выскакивает с пустой корзиной; я резко подаюсь в сторону, плечо тянет, и на него вырывается злость, совершенно не соразмерная проступку. Мальчишка уже бежит дальше, даже не поняв, что едва не получил выговор от человека, который вчера сам загнал себя под чужой клинок.

У кассы в лечебнице стоит женщина с завёрнутой в платок банкой. Пока служащая ищет её запись, женщина объясняет, почему банку нельзя оставлять в общей кладовой. Я жду за ней, прижав локоть к боку. На стене висит расписание верхнего отделения. Отдельные часы, отдельный вход со двора, фамилии двух врачей, которых я знаю по разговорам в залах. Можно подняться туда, назвать себя, лечь на чистый стол и позволить другим решать, что делать с плечом. Даже записку графа показывать не придётся: платёж уже провели.

Когда женщина наконец забирает бумажку и свою банку, я кладу квитанцию перед служащей.

— От этого платежа нужно отказаться.

Она читает, переворачивает лист и смотрит на меня поверх очков.

— Услуги не получали?

— Только вчерашний обычный приём. За него я платил сам.

— Это я вижу. По данному назначению ничего не проводилось?

— Ничего.

Служащая достаёт толстую тетрадь, находит строку и ведёт по ней ногтем. Я успеваю прочитать собственную фамилию, время и название конторы. Рядом свободное место под отметку о начале курса. Она берёт линейку, закрывает соседние записи и просит назвать причину отказа.

— Не принимаю оплату от этого плательщика.

Перо замирает.

— Лечение вы прекращаете?

— Нет. Обычные приёмы буду оплачивать сам. Возвращается только это.

— Тогда так и запишем.

Она подвигает мне бланк. Подпись левой рукой получается хуже, чем в детстве, когда отец впервые заставил расписаться за полученные деньги. Служащая сравнивает её с записью в карточке, поднимает глаза на повязку и просит дополнительно назвать адрес. Я называю. Она не обсуждает ни мой отказ, ни щедрость конторы; у неё за спиной лежит стопка чужих болезней, оплаченных, неоплаченных и оплаченных не теми людьми.

— Наличными вам эта сумма не выдаётся, — предупреждает она, ставя печать. — Возврат пойдёт на первоначальный счёт. Распоряжение попадёт в дневную ведомость. Завтра можете получить подтверждение исполнения.

— У меня завтра осмотр.

— Тогда зайдите после. Вот ваша копия.

Я складываю лист, стараясь не смять печать. Девяносто

шесть рублей не проходят через мои руки даже на минуту. Вроде бы ничего не потерял, а у выхода задерживаюсь, будто забыл что-то нужное внутри. Приходится прямо напомнить себе, что верхнее отделение не исчезло. Если Ветлина назначит там процедуру, я могу спросить цену и решить, хватит ли денег. Это будет неприятный, но вполне обычный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.